

ВАЛЕРИЙ ВАЙНИН

НИКАКИХ ВАМ ЗОЛУШЕК

Что-то для практически взрослых

Валерий Вайнин
Никаких вам золушек. Читиво
для практически взрослых

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22759166
ISBN 9785448367137*

Аннотация

Узнавая сюжеты сказок, вы не узнаете героев. Сын царя, проверяющий «генетический код» молодильных яблок. Врач, закаливавший жену, чтобы ее не заморозила Повелительница Вьюг. Дракон, играющий в шахматы... Когда же сказки придут в современную Москву, вы узнаете, что может случиться, если нарисовать свой портрет у уличного художника или получить в подарок куклу на веревочках. А что, если все важные события провинциального города происходят из-за того, что в местной газете просто работает лентяй?..

Содержание

Старые сказки в новом стиле	5
Целебный источник	5
Мудрейший из мудрых	118
Конец ознакомительного фрагмента.	171

Никаких вам золушек
Чтиво для
практически взрослых
Валерий Вайнин

© Валерий Вайнин, 2017

© Виктория Шатилова, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4483-6713-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Старые сказки в новом стиле

Целебный источник

В давние времена, в некотором государстве народом правил царь Иван. Который там по счету – Иван Первый, Второй или Двадцать Второй – не суть важно. К делу относится лишь то, что царь состарился и одряхлел прямо до неприличия. Ходить он уже не мог, и на трон его пересаживали из инвалидной коляски. Покрасуется Его Величество на троне часок-другой, пообзывает министров казнокрадами – потом обратно в коляску и в кроватку бай-бай. Ворам, конечно, раздолье, а народ озорует и от безысходности о демократии шепчется.

– Полный писец! – сокрушался в постели царь Иван. – Чё-то надо делать! Кузьмич, – обращался он к своему тайному советнику, – как будем выходить из кризиса?

Аркадий Кузьмич, плюгавый дедок, разодетый в бархат, сидел на царской кровати, держа в одной руке флягу, в другой – граненый стакан.

– Щас сообразим по уму, – хрипло отзывался он, наполняя стакан из фляги. – Хлебни-ка сперва бусурманского пойла. Виски называется.

– Ну и чё будет? – любовытствовал Его Величество, тя-

нясь за стаканом. – Просветление, что ли, в мозгах?

Но царская нянька обычно выхватывала стакан у него из-под носа.

– Погодь, шустрик! – вскрикивала она и делала изрядный голоток.

– Ну, Алёна! – гневался царь. – Ну, стерва!

– Не доверяет, – обижался Аркадий Кузьмич. – Кому не доверяет – мне!

Иван бушевал в кровати:

– Выгоню! В тюрьме сгною!

Нянька оставалась невозмутима. Женщиной она была дородной и выглядела... примерно, как снежная баба, которую натерли свеклой и вырядили в кокошник. Закатив глаза, она прислушивалась к урчанию в своем животе, затем возвращала стакан царю.

– Можешь. Не отравлено.

– У ё-ё-ё! – стenal Его Величество и торопливо опрокидывал в себя остаток бусурманского пойла.

Советник протягивал ему соленый огурец, который опять же перехватывала нянька – надкусывала и кивала царю:

– Можешь.

И, выполнив сей ежевечерний ритуал, умиротворенный царь Иван возвращался к теме разговора:

– Так чё, Кузьмич? Какие будут идеи?

Советник задумчиво скреб плешь.

– Идей-то, Вань, у меня куча. Но, поскольку утро вечера мудренее... Завтра принесу бренди – и что-нибудь скумекаем.

Так оно и шло день за днем. Царь все более дряхлел, а в государстве озоровали пуще прежнего. Но однажды...

Хлубнул царь Иван бусурманской гадости под названием «джин» и заел маринованным грибком. А Кузьмич, заглядывая ему в рот, заботливо поинтересовался:

– Ну и как?

– Каком кверху! – огрызнулся Его Величество. – Ты у меня кто, советник или бармен?! Где выход из кризиса?! Не слышу предложений!

И тут Аркадий Кузьмич ему выдал:

– Тебе, государь, омолодиться надо. Единственный вариант.

Нянька Алена прыснула в мясистую длань.

– Ой, не могу! Уморил!

– Цыц! – осадил ее царь и уставился на советника. – Повтори, Кузьмич. У меня чё-то со слухом.

– Надо, говорю, тебе омолодиться.

– Только и всего?

– Ага. Как в прежнюю силу войдешь – никто и пикнуть не посмеет. Покой наступит да благоденствие.

Нянька фыркнула.

– Кузьмич, да ты у нас... этот, как его... вундеркинд, вроде.

Советник глотнул из фляги джина.

– Стараемся. Для того и назначены.

Царь так и сверлил его взглядом.

– Молодец. Долго думал?

– Почитай, уж год, – признался Аркадий Кузьмич, – ломал башку себе, ломал... А нынче утром...

– Тебя вдруг осенило, – ввернул царь Иван. – Омолодиться, стало быть?

– Единственный вариант, – кивнул советник

Царь аж подскочил на кровати.

– А ежели я тебя щас в кандалы?!

– Это за что ж?

– За глумление над моим Величеством!

Советник отмахнулся.

– Только без этого, ладно?! – возвысил он голос по старой дружбе. – Ты, Вань, за лопуха меня не держи!

– Ты не лопух, ты мудак!

– Я не мудак: у меня проект! Возле дворца китайского императора...

– Не проект у тебя, а задница вместо башки!

– Возле дворца императора Лао Ван Мина бьёт целебный источник. Кто отведаёт воды из этого источника, от всех болезней избавиться и вернет себе молодость.

Царь недоверчиво вылупил глаза.

– Кузьмич, ты это... э-э... правда, что ли?

Советник кивнул.

– Информация проверена. И кстати, в смысле секса... полностью налаживается.

– Иди ты? – с надеждой произнёс царь.

– Как жеребец, Вань, будешь. Ей-богу.

Нянька Алёна хихикнула, глядя в пол.

– Ага, щас!

Однако царь так на нее зыркнул, что она мигом прикусила язык.

– Ну и чё дальше? – осведомился царь Иван.

– То есть? – возрился на него советник. – Вань, ты что, не врубился? Глотнёшь водицы из того источника и...

– Кузьмич, щас в рыло дам! – рявкнул царь. – Где мы возьмём эту водицу?! Мне чё, войной на китайцев идти?!

Советник озадаченно потер лысину.

– Нет, – вздохнул он, – войной нам сейчас не ко времени.

– Ну и чё делать?! Где твой проект, идиёт?!

Аркадий Кузьмич крепко задумался. Царь так и ел его глазами. В наступившей тишине гулко икнула нянька и тут же прикрыла рукой рот.

– Проще пареной репы, – изрек наконец советник. – Отпрысков своих пошли. Пора натаскивать их по дипломатической части. Уболтают они императора, чтоб тот целебной воды налил, значит, годятся для управления государством. А ежели порожняком вернуться... сам понимаешь, Вань: дуrolомы они и больше никто.

Тут призадумался царь Иван.

Было у него три сына. Старшего звали Арнольд, среднего – Бертольд. Нравились, видать, царю звучные заморские имена. Однако все в конце концов приедается. И когда родился третий сын, царь выпендриваться не стал и нарёк его по-домашнему Василием. Выросли сыновья – грех жаловаться. Балованные, правда, как вся нынешняя молодежь, но в пределах нормы. Старшие, бывало, дерзили батюшке, однако, из повиновения не выходили. А вот младшенький... тот, признаться, был со странностями: что ни день тренировки телесные себе устраивал, манускрипты пыльные по ночам читал – оттого и речи порой вел невразумительные. Государь переживал за него жутко, потому как души в нем не чаял.

– Ладно, – поразмыслив, сказал царь, – давай попробуем.

– Сто-пудовый вариант, – обрадовался советник. – Либо омолодишься, либо цену своим отпрыскам узнаешь. Либо то, либо это.

Царь вздохнул и обратился к няньке:

– Веди сыновей, Алёна.

– Троиш? – уточнила та.

– А сколько у меня их, идиётка?!

– Мне-то почём знать? – Свекольная физиономия наньки сделалась еще краснее.

– Поумничай мне тут! – смутился царь Иван. – Давай их сюда, живо!

– Где же я их возьму на ночь-то глядя?

– Стражников пошли, пусть разыщут!

С хмурым видом нянька отправилась выполнять приказ.

– Два старых придурка, – проворчала она, выходя из опочивальни.

Старший сын, Арнольд, находился поблизости. В одной из комнат царского дворца он играл с друзьями в преферанс.

– Пика, – объявил Арнольд, глядя в карты. Одет он был в шелка и бархат, по последней моде, лицо имел желчное и был столь долговяз, что возвышался над игроками на целую голову. – Ну давай, граф, смелей, – поторопил он партнера слева, кося украдкой в его карты. – Сколько можно телиться?

– Трефа, – неуверенно произнес граф.

Третий игрок спассовал.

– Бубна, – продолжил торговлю Арнольд. – Обдери как липку.

В этот момент вошел стражник и передал приказ царя сей же миг явиться пред его светлы очи.

– Игра, похоже, накрылась, обрадовался граф. – Чертовски жаль.

Арнольд нехотя поднялся из-за стола.

– Дурит папаша, – буркнул он, бросая карты. – Прошу прощенья, господа.

В это время средний сын, Бертольд, возлежал на персидском ковре в неких апартаментах. Он был весьма упитан и в кружевной своей рубаше выглядел, как слоеный пирожок. По бокам к Бертольду прижимались две полуголые хихика-

ющие девицы, которые хватали с огромного блюда кусочки явств и совали царскому сыну в «клювик». Глаза Бертольда были блаженно прикрыты.

– А ну, Бертик! – потребовала одна из девиц.

– Индюшати́на в ореховом соусе, – уверенно объявил Бертольд. – Вымочена в двухлетнем «Бордо» с лавровым листом, гвоздикой и кореандром. И, разумеется, черный перец.

Девушка восторженно захлопала в ладоши.

– Бертуля, а это? – Её подруга положила в рот испытываемому очередной кусочек.

Бертольд не колебался ни мгновения.

– Страстбургский паштет, – отрапортовал он. – Гусиная печень, сливочное масло, корень петрушки с добавлением...

Тут без стука вломился стражник и передал среднему сыну приказ явиться в царскую опочивальню. Бертольд скривился будто хлебнул чистого уксуса. Затем встал с ковра и стряхнул с себя крошки.

– Разрази меня гром! Пока, мои перепелочки.

– Государственные дела, да? – капризно полюбопытствовала одна из «перепелочек».

Бертольд процедил сквозь зубы:

– Дерьмо собачье. С горчицей и с хреном.

Тем временем младший сын, Василий, в дворцовом парке упражнялся в стрельбе из лука. Он был в холщевых портках, в рубахе, и босые ноги его бесшумно ступали по траве. Соломённое чучело, служившее для него мишенью, освещала

лишь луна. Однако стрелы, выпущенные рукой царского сына, метко поражали цель.

– Слабовато, – посетовал вслух Василий, выдергивая стрелу из нарисованного глаза чучела. – Почему слабовато? – спросил он сам себя. И сам себе ответил: – Потому что скорость стрельбы не достаточно высока. – С этими словами он собрал стрелы в колчан, отошёл на сто шагов и вновь натянул тетиву.

В этой позиции его и застал посланный нянькой стражник. Услыхав, что его кличет батюшка, Василий удивился:

– Зачем в такой час?

– Не могу знать, – отчеканил стражник. – Велено срочно.

Пожав плечами, Василий собрался вложить стрелу в колчан, но вдруг увидел огромную лохматую волчицу, прыгнувшую из темноты на стражника.

– Ложись! – крикнул Василий-царевич.

Стражник, отставной солдат, чётко выполнил команду, рухнув наземь животом. Волчица, пролетела над ним в прыжке, и царевич выстрелил в её желтый глаз.

– Свят, свят! – пролепетал распластавшийся стражник.

Волчица мягко опустилась на лапы. В зубах она держала выпущенную царевичем стрелу, которую брезгливо отбросила в сторону.

– Слабовато, – прорычала она человеческим голосом. – Скорость стрельбы невысока.

– А вот мы проверим. – Василий наладил вторую стрелу.

– Не трудись, успеха не будет, – предупредила волчица. – К тому же велика ли честь подстрелить безоружное животное?

Царевич нахмурился.

– А нападать на старика со спины – честно?

– Стражник здесь ни при чем, – оскалилась волчица. – Я напала на тебя.

Василий с усмешкой вложил стрелу в колчан.

– Да ну? Чем же я тебя прогневил?

Волчица помедлила с ответом.

– Говорят, ты искусен на мечах биться. Так ли?

– Тебе-то что за интерес? – удивился царевич.

– Сразиться с тобой хочу.

Тут стражник поднялся с земли и засмеялся.

– Во, дает! Да Его Светлость лучший в государстве фехтовальщик! Да не только в нашем государстве...

Царевич его перебил:

– Спасибо, Семён. Популярности среди волков я не ищу.

– Нет, какво нахальство! – не унимался стражник. – Сразиться она желает, bestия серая!

Волчица сверкнула глазами в его сторону.

– Заткнись, пока цел! – И обратилась к царевичу: – Давай так: твой меч против моих клыков. Сразимся?

Царевич кивнул.

– Когда угодно и где угодно. Только пеняй потом на себя.

Волчица оскалила пасть, будто усмехнулась.

– Завтра, в это же время на этом месте. – Прыгнув в темноту, она исчезла.

Стражник перекрестился.

– Эка напасть! Куда министр Внутренних Дел смотрит? Царевич Василий положил руку ему на плечо.

– Никому ни слова, Семён.

– Да как же... ведь ваш батюшка меня...

– Держи рот на замке. Я сам за все отвечаю.

– Ну, коли так, – вздохнул старый солдат, – буду нем как рыба.

И они зашагали к дворцу.

В царскую опочивальню Василий вошел последним. Братья уже явились и коротали время, рассказывая друг другу анекдоты. Кроме царя-батюшки, в покоях находились нянька Алёна и советник Аркадий Кузьмич, который при виде Василия провозгласил:

– Ну вот, полный кворум.

– Чё-чё? – воззрился на него царь. – Какой-такой кворум?

Советник промямлил нечто невнятное, но Василий пришел ему на выручку и объяснил:

– Необходимый минимум, значит.

Обложенный подушками царь Иван перевел взгляд на младшего сына.

– А тебя кто спрашивает, умник? Опять в обносках разгуливаешь, перед людьми срамишь?

Василий подтянул холщевые портки и оправил рубаху.

– Для тренировки в самый раз, – возразил он, смахивая травинку с босой пятки.

Разодетые в пух и прах братья захихикали.

– Родственничек! – подмигнул долговязый Арнольд.

– Гордость семьи! – подхватил толстячок Бертольд.

– Скромный, как монах. – Арнольд похлопал Василия по плечу.

– И суровый, как сержант пехоты. – Бертольд сдул с Василия незримую пушинку.

Царь Иван в сердцах хлопнул себя по колену.

– Цыц зубоскалы! Щас по шеям!

Но Василий улыбался до ушей.

– Полно, батюшка: они же у нас остряки. Одну шутку десять лет повторяют. А это говорит о похвальном постоянстве характера или о плохой памяти.

Царь хохотнул и обратил взор на старших сыновей.

– Ну чё, скушали?

Братья встрепенулись, как петухи.

– Наш Вася – великий ценитель шуток, – сморщился Арнольд. – Самую удачную он вычитал в детском букваре.

– Чёрт меня дерит! – гаркнул Бертольд. – У него тонкий вкус!

Василий похлопал Арнольда по плечу.

– Куда мне до тебя, Арик! Ты все еще вистуешь на девятерной, а на распассах тузов придерживаешь?

– Слушай, ты... – побледнел от гнева Арнольд. – Пони-

мал бы чего!

Василий с улыбкой поднял вверх руки.

– Извини, брат. – Он приблизился к Бертольд и сдул пылинку с его кружевного воротника. – А ты, Бертик? Все еще постигаешь различие между азиатской дыней и брюсельской капустой?

Бертольд побагровел так, что цветом лица почти сравнялся с нянькой Алёной.

– Чтоб мне подавиться, если я сяду с тобой за один стол! – проревел он.

Тут царь Иван не выдержал и прикрикнул:

– Хватит собачиться! Слушайте задание! – Он кивнул советнику. – Излагай, Кузьмич.

Советник набрал в грудь воздуха.

– Значит, так, – проговорил он. – Для укрепления государства царю надобно омолодиться. Для омоложения у китайского императора Лао Ван Мина имеется целебный источник. Кто хлебнет воды из этого источника, у того все будет в ажуре и даже секс наладиться... В чем дело? Почему такая несерьёзность?

Уставясь друг на дружку, Арнольд с Бертольдом едва сдерживали смех. Нянька Алёна ожгла взглядом советника.

– Опять со своим сексом! – прошипела она. – Хоть бы робят постеснялся, бесстыдник!

Тут уж Арнольд и Бертольд, а вместе с ними и Василий, захохотали в голос. С трудом водворив тишину, царь велел

Аркадию Кузьмичу продолжать.

– Собственно, что здесь размусоливать? – заключил советник. – Берёте бутыль, ноги в руки – и айда в Китай. Там у императора, используя деньги и личное обаяние, добываете чудодейственную воду и дуете домой. Вот и весь проект. Будут вопросы, предложения?

Наступила тишина. Арнольд и Бертольд застыли, глядя в пол. Василий прохаживался из угла в угол, ероша свою густую шевелюру. А царь Иван с тревогой вглядывался в лица сыновей.

– Про источник я читал, – нарушил молчание Василий. – Свойства у него, по слухам, фантастические.

– А я о чем толкую! – обрадовался советник.

– Однако! – Василий поднял указательный палец. – До сих пор не изучено, как эта водица влияет на генетический код и не дает ли побочных эффектов.

Советник почесал лысину.

– То есть... в смысле... ты хочешь сказать...

Царь возвысил голос:

– Васька, не умничай!

– Все-то он читал, все-то он знает! – поддакнул Арнольд.

И Бертольд его поддержал:

– Оглохнуть мне на оба уха, если наш умник сам соображает, что мелет!

Василий сердито глянул в их сторону.

– Хорош паясничать, дело серьёзное. Может, источник

целебный, а может... Лабораторные испытания на мышах не проводились, а разные там свидетельства...

– Васька! – возопил царь. – Не тычь мне в рыло своими выкрутасами!

– Но, батя, послушай... – попытался урезонить его младший сын.

Царь заткнул себе уши.

– Не желаю слушать! Омолодиться хочу и баста!

– Но ведь даже дозировки не известны, – настаивал Василий. – Имеется риск...

– Хер с ним, с риском! Я решился!

И вновь наступила тишина, в которой оглушительно прозвучал шёпот няньки:

– Сексу захотел, старый мерин.

Вынув пальцы из ушей, царь зыркнул на нее исподлобья.

– Тебя не спросил, ягодка моя переспелая!

Бертольд хихикнул было, но тут же притих.

Все выжидательно молчали.

– Ладно, – махнул рукой Василий, – стоняю к императору и раздобуду этой водицы. Только, чур, сперва на кошке испытаем.

– Ой, Васютка! Ой, сынок! – просиял царь Иван. – Я ж тебе за это что хошь сделаю!

Старшие братья переглянулись.

– Васютка у нас крутой. Куда без него? – буркнул Арнольд.

– Богатырь! – подхватил Бертольд. – Илья Муромец, поперхнуться мне чесночным соусом!

Царь погрозил им пальцем.

– Вот я вам щас...

– погоди, отец, – вмешался Василий. Он встал меж братьями и обнял каждого за плечи. – В чем проблема, ребята? Вы в Китай поехать хотите? Или я чего-то не понял?

Братья вновь переглянулись, на сей раз нерешительно.

– А что, по-твоему, не справимся?! – запальчиво осведомился Арнольд. – Думаешь, это задание лишь тебе под силу?!

– Он так думает, лопни мой левый глаз! – возмутился Бертольд.

Василий перевел взгляд с одного на другого.

– Неужто справитесь

– Не хуже тебя, – ответил долговязый Арнольд.

– Можешь не сомневаться, – добавил толстячок Бертольд.

Василий кивнул, пряча усмешку.

– Ну что ж, поезжайте. Батя... э-э... Ваше Величество, вы не против?

Пожав плечами, царь откинулся на подушки.

– А мне чё? Сделали бы дело. Кузьмич, – обратился он к советнику, – снаряди их, как положено. Одежку там, провиант, золотишко в достатке... И с утречка пушай стартуют. Организуешь?

– А то! – Советник соскочил с царской кровати. – Отправ-

ляйтесь на боковую, соколы! Разбужу до первых петухов!

Братья готовы были откусить себе языки, да поздно было. Пожелав отцу доброй ночи, они понуро поплелись в свои покои.

А утром сборы были недолги. Царь Иван простился с сыновьями в тронном зале, перекрестил их и растроганно произнёс:

– Вперёд и без фокусов.

Затем старших сыновей перепроводили в карету, запряжённую четверкой лошадей. Кучер щёлкнул кнутом и...

– Пойдите! – крикнул Василий. Приоткрыв дверцу кареты, он вручил братьям клетку с голубями. – Пишите обо всем. Если что... прискачу на выручку. Эй! Чего надулись, как мышь на крупу?

– Да пошёл ты! – огрызнулся Арнольд.

А Бертольд буркнул:

– Благодетель, копытом меня в брюхо!

Василий захлопнул дверцу.

– Нечего было трепаться, простофили!

Арнольд высунул ему в окно кукиш и приказал кучеру трогать. Карета укатила по дворцовой дорожке. Василий с грустью смотрел ей вслед.

За спиной царевича возник стражник Семён и спросил шёпотом:

– С той зверюгой будете нынче биться?

– Буду, раз обещал, – ответил Василий. – Тебе-то что

за печаль?

– Кошки на душе скребут. Не дай Бог, с вами что случится, меня ведь царь-батюшка...

– А ты держи рот на замке. Ничего не видел, мол, ничего не слышал. Ступай, Семён, не суетись.

Стражник потопал прочь.

А царевич, только лишь стемнело, стал поджидать волчицу на прежнем месте. Лёгкий меч в его руке поблескивал при лунном свете. Решив размяться, Василий принялся фехтовать со своей тенью.

Волчица, точно призрак, выпрыгнула из темноты. Она выглядела еще огромней и страшней, чем в прошлую ночь.

– Готов? – прорычала она.

Повернувшись к ней лицом, царевич рассёк мечом воздух.

– Готов.

– Тогда начнем. – Волчица прыгнула на него.

Уклонившись, Василий рубанул зверя сбоку. Удар казался верным, и все же царевич промахнулся. Волчица мягко опустилась на четыре лапы и, развернувшись, изготовилась для новой атаки.

– Неплохо, – удивился царевич.

– Не болтай, сражайся! – ощерилась волчица и опять прыгнула.

На сей раз её могучие челюсти щёлкнули возле самого горла Василия. Однако ему удалось увернуться.

– Надо же, – удивилась в свою очередь волчица, – не ожидала.

– Не болтай, сражайся! – в досаде повторил за ней царевич, делая резкий выпад.

Но волчицы там уже не оказалось, и меч проткнул лишь куст боярышника. А волчица меж тем напала слева. Прыжок её был столь молниеносен, что царевичу пришлось опрокинуться на спину и попытаться поразить зверя в брюхо. Манёвр этот исполнен был мастерски, но волчица невероятно извернулась в полёте, и Василий вновь промахнулся. Мигом вскочив на ноги, он сам ринулся в атаку. Его меч со свистом рассекал воздух, косил траву и срубал ветви деревьев, но волчицу не задел. Однако и волчице похвалиться было нечем: ни клыки её, ни когти царевича даже не оцарапали.

Так бились они до рассвета, и ни один не мог одолеть другого. Бока волчицы тяжело вздымались.

– Я не спрашиваю, где ты научился так сражаться, – прорычала она устало. – Скажи только, почему ты дважды меня пощадил.

Василий отёр со лба пот.

– Я не спрашиваю, почему ты пощадил меня трижды, – усмехнулся он в ответ. – Но скажи, кто ты и чего тебе от меня надо?

– Отвяжись, болтун! – оскалилась волчица. – Продолжим завтра на этом же месте!

Царевич пожал плечами.

– Продолжим так продолжим. Грубить-то зачем?

Волчица сверкнула на него жёлтыми глазами.

– Уж не поклоны ли мне тебе отвешивать? – И с этими словами помчалась прочь. Лучи восходящего солнца искрились на её рыжеватой шерсти, пока она не скрылась за деревьями.

Василий задумчиво сжимал рукоять меча.

– Ну что ж, – пробормотал он, – поживём – увидим.

Следующей ночью они возобновили свой поединок. И опять никто не достиг перевеса. Тогда они встретились на третью ночь, потом – на четвёртую. Так продолжалось месяц. Ни царевич, ни волчица не потерпели поражения и к победе не приблизились.

– Хватит, – сказал наконец Василий. – Предлагаю ничью.

– Струсил? – прорычала волчица.

– Надоело. Братьев искать поеду: вестей от них никаких.

– А как же наш поединок? Ничья меня не устраивает.

Царевич развел руками.

– Ну, если не устраивает... присуждаю тебе победу. Могу повесить медаль на хвост.

Волчица показала клыки.

– Кто ты такой, чтобы делать мне одолжения?! Я сама одержу победу, порвав твоё горло!

Василий опустил перед ней на колени.

– Валяй, рви.

Волчица отпрянула.

– Ещё чего... Я убью тебя в честном бою.

– Чепуха, – отмахнулся царевич, поднимаясь с колен. – Если б ты и могла меня убить, то не стала бы этого делать.

– Ошибаешься, – неуверенно возразила волчица.

Царевич вложил меч в ножны.

– Не знаю, что у тебя там за проблемы, – сказал он, – только и я убивать тебя не намерен. Не надейся.

– Что ты несёшь?! Что городишь?! – взревела волчица.

Но Василий-царевич лишь помахал рукой.

– Прощай, рыжая. Вернусь – продолжим наши тренировки. – Он зашагал в сторону дворца.

Волчица прокричала ему вслед:

– А когда ты вернёшься?

– Зависит от обстоятельств, – отозвался Василий.

Царь Иван, услышав о том, что младший сын собирается на поиски братьев, разгневался неопишимо.

– У тебя чё, крыша поехала?! – завопил он. – Куда ты поедешь, идиёт?! Сами, небось, объявятся!

Царевич сохранял спокойствие.

– Не объявятся, чует моё сердце, – возразил он. – Получается, будто я их подставил. Это нехорошо.

Царь в досаде швырнул подушку на пол.

– Подставил он их, блин! Да они тебя, знаешь... – Хоть в опочивальне они были только вдвоём, царь Иван с подозрением огляделся и понизил голос. – Да они тебя при первой okazji, – он провел пальцем по своему горлу, – чирк

и в яму. Лишь бы шито-крыто. Подставил, понимаешь, он их, бедолаг!

Подняв с пола подушку, Василий присел к отцу на постель.

– Арик и Берт, – сказал он, – никогда бы так со мной не поступили. Они бы вообще ни с кем так подло не поступили. Ты к ним несправедлив, причём с детства.

Царь вылупил на него глаза.

– Ты чё, наивный такой или придуряешься?

– Короче, завтра отправляюсь на их поиски, – невозмутимо подытожил царевич, встал и направился к двери. – И привезу тебе, кстати, китайской чудодейственной воды. Чтоб секс у тебя наладился.

– Васька, прокляну! – пригрозил вдогонку царь.

Царевич обернулся в дверях.

– Всё равно поеду. – И он вышел.

А царь Иван, сидя на кровати, обхватил руками голову.

– Идиёт! Вот же идиёт!

Утром, однако, в инвалидной своей коляске он выехал проводить сына. Василий держал под уздцы осёдланного гнедого жеребца. Рядом охали да ахали нянька с Аркадием Кузьмичём.

– Ну, теперь что же... портвейну заморского на посошок? – предложил царский советник.

– С утра? – поморщился царевич. – Ладно, один глоток.

Аркадий Кузьмич плеснул из фляги, не скупясь. Но ста-

кан из его руки выхватила нянька Алёна, хлебнула и, блаженно закатив глаза, резюмировала:

– Можно. Хотя и слабовато.

После её дегустации царевичу действительно достался лишь глоток. Выпив, он вскочил на коня.

– Не передумаешь? – без надежды спросил царь Иван. Сын покачал головой. – Ладно, скачи... Еду взял? Деньги взял?... А бутыль порожнюю?

Василий с улыбкой кивнул.

– Взял, что нужно, отец. А бутыль, полагаю, мне император одолжит.

И царевич поскакал навстречу восходящему солнцу. В этом направлении, по его расчётам, находился Китай, на пути к которому где-то потерялись старшие братья.

Василий-царевич одет был в простой дорожный костюм, обут в старомодные сапоги, а на голове его красовалась потертая шляпа. Едва ли в подобном наряде кто-то мог угадать царского сына. Лук со стрелами он с собой не взял. Из всех видов оружия один лишь меч был пристёгнут к его поясу. Прохожий-проезжий люд Василия не сторонился, однако и задеть ненароком опасался: что-то в этом одиноком всаднике внушало невольное почтение. Ночевал царевич под открытым небом – на расстеленном плаще, подложив под голову седло. Пил он из ручьёв, а питался покамест домашними припасами. Коню тоже корма вокруг хватало. Переночевав, царевич продолжал скакать навстречу солнцу.

На пятый день дорога стала малолюдной, а на седьмой – обезлюдела вовсе. К закату девятого дня Василий доехал до перекрестка, на котором громоздился большущий замшелый камень. На камне была выбита надпись: «Налево пойдешь – оттянешься по полной программе. Направо пойдешь – карьеру сделаешь, если повезёт. Прямо пойдёшь – проблем не оберёшься».

Василий хмыкнул. «Направо не поеду, – подумал он. – Карьера мне ни к чему. А вот налево... тут возможны варианты».

Только он повернул коня, как услышал знакомый голос: – Эй, ты куда? – Возле камня сидела волчица и смотрела на него желтыми глазами.

Конь в испуге встал на дыбы. С трудом его успокоив, царевич спросил:

– Как ты здесь оказалась?

– Гуляла просто. Нельзя?

– Почему же, гуляй на здоровье. – Василий тронул поводья.

– Эй! – не унималась волчица. – Я думала, тебе туда, где проблем не оберёшься. Неужто ошиблась?

– Ты и читать умеешь! – усмехнулся Василий.

– Ты не ответил на вопрос.

– Изволь. Туда, где проблемы, я успею. Сперва налево съезжу. Готов поспорить, там братья мои застряли.

Волчица то ли чихнула, то ли фыркнула.

– Такой заботливый, да?

– Пока, рыжая. – Царевич направил коня по левой дороге. – Счастливо оставаться.

Волчица улеглась на солнышке возле камня-указателя.

– Счастливо оттянуться! – прорычала она вдогонку.

Рассмеявшись, Василий-царевич ускакал.

К вечеру впереди замерцали огни города. И хоть городок, в общем-то, оказался небольшим, от разноцветных реклам буквально рябило в глазах.

С любопытством озираясь, Василий проехал центральную площадь. Вокруг прогуливалась шикарно разодетая публика, звучала музыка, там и сям раздавались пьяные песни. Народ, что называется, веселился до упаду, и никто ни на кого не обращал внимания. Над трехэтажным каменным зданием сверкала вывеска игорного дома, а напротив, через улицу, располагался трактир. «Похоже, сюда-то мне и надо», – подумал Василий-царевич. Привязав коня к фанарному столбу, он вошёл в игорный дом.

К нему сейчас же подскочил расфуфыренный лакей и затараторил:

– Чего угодно-с? Карты, кости, рулетка? Имеется и новинка-с: «нарды» называется. Или желаете какое пари заключить-с?

– Сперва осмотрюсь, – ответил царевич. – Скажи-ка, любезный, не видал ли ты случаем тут одного господина... – Он описал лакею внешность старшего брата.

Лакей что-то промямлил, заюлил, однако, разглядев меж пальцев Василия золотую монету, мигом обрел сообразительность.

– Есть такой, – кивнул он. – Проводить?

– Сделай одолжение. – Василий подбросил монету, и та моментально исчезла в бездонном кармане лакейских штанов.

Лакей приглашающе махнул рукой.

– Айда за мной. Только по-тихому.

Они прошли через игорные залы, где праздные гуляки просаживали деньги. У дверей одной из комнат лакей остановился и приложил к губам палец.

– Здесь, – прошептал он, – но меня не впутывай. – И тут же исчез, точно сквозь землю провалился.

Василий толкнул дверь и очутился в комнатухе, на полу которой валялись черепки битой посуды. Брат Арнольд в разорванной одежде, чумазый и дрожащий, стоял у стены, держа на голове арбуз. А четверо пьяных амбалов метали в сей арбуз ножи. Каждый бросок сопровождался гоготом и руганью, поскольку точностью не отличался. Ни один из ножей, к счастью, в брата пока не угодил.

Арнольд первым заметил вошедшего Василия и от стыда опустил взгляд. Прикрыв за собой дверь, Василий гаркнул:

– Привет, ребята!

Амбалы воззрились на него.

– Эт-то что за хрен? – просипел один из них.

Удовлетворить своё любопытство он не успел: Арнольд расколот об его голову арбуз, чем успокоил вполне.

– Давно бы так, – похвалил Василий и мастерскими ударами кулаков уложил на пол оставшуюся троицу. Никто даже не пикнул.

Арнольд взял со стола бутылку и жадно хлебнул из горлышка.

– Чего надо, родственничек? – выдохнул он с кривой усмешкой.

– Не слабо развлекаешься, – хмуро произнёс Василий.

– Стараюсь.

– Вижу. Где Берг?

Арнольд пожал плечами.

– Кто его знает... Мы как приехали, он в трактир попёрся, а я – сюда.

– И с тех пор не встречались, – догадался Василий. – Карету и лошадей тоже проиграл?

Арнольд, потупясь, кивнул.

– Что ж теперь будет? – спросил он жалобно.

Василий прошёлся из угла в угол. Осколки посуды хрустели под его ногами.

– Сделаем так, – сказал он. – Сперва я сгоняю в Китай, потом заеду сюда за тобой и Бертом. Воду из источника привезём отцу вместе. Говорят, победителей не судят. Короче, дожидайтесь меня здесь.

Арнольд повеселел.

– Денег оставишь?

Тут дверь распахнулась и вошёл солидный господин с надменно оттопыренной губой.

– Што здесь происходит? – Цедя слова через эту самую губу, он оглядел разгромленное помещение и брезгливо переступил через тело одного из амбалов. – Што это са такой бесобрасий?

– Так, пустяки, – буркнул Василий. – А ты кто такой?

– Владелец заведения, – подсказал Арнольд, вновь прикладываясь к бутылке.

Вошедший господин величаво кивнул.

– О да, я фладей! Я фсем тут фладей! А фот фи кто есть такой?

– Это сын царя Ивана, кретин! – визгливо крикнул Арнольд. Владелец игорного дома усмехнулся.

– О, я понимаю! Я фсё понимаю! Снашала один сын саря Ифана, – кивнул он на Арнольда, – теперь фторой сын саря Ифана, потом... Сколько сын иметь сарь Ифан? Кто проиграть, должен платить, шорт фосьми!

Арнольд замахнулся на него бутылкой.

– Ах ты клоп заморский! Да я тебя...

– Не петушись, он прав, – осадил брата Василий. Он достал из кармана набитый монетами кошель, развязал и обратился к владельцу игорного дома: – Сколько брат тебе должен?

При виде такого количества золота суровый господин пре-

образился на глазах.

– О, сашем такой спешка? Нушно фсё посшитай.

– Считать нет времени. – Василий выложил на стол две пригоршни монет. – Этого хватит?

– Совсем опупел! – простонал Арнольд.

Владелец игорного дома спешно сгрёб золото в карман.

– О да! Я думай, тут фсё ферно! Я ошень дофолен!

Оставив себе несколько монет, Василий протянул ему кошель, полный на три четверти.

– Держи. Будешь кормить, поить и одевать брата, пока я не вернусь. На игру ему выдавай червонец в неделю, не более.

– Всего червонец?! – возмутился Арнольд. – Это ж курам на смех!

Василий в упор смотрел на владельца игорного дома.

– Ты хорошо понял? Если денег не хватит, вернусь – доплачу. А сплутуешь – прибыю.

Владелец сделал протестующий жест.

– Я шестный шелофек. Я никогда не плутовать. – Он встряхнул кошель царевича, и золото весело звякнуло. – Этого надолго хватать. Я фсё делай, как фи мне фелеть.

Василий хлопнул его по плечу.

– Ладушки, до встречи. Приберись тут, – кивнул он на поверженных амбалов и зашагал к двери.

– Ну, Васька! Ну, жмот! – бросил ему вслед Арнольд. – Погоди, я припомню тебе червонец в неделю! Ох, припом-

ню!

– Давай-давай, упражняй память, – парировал Василий, закрывая за собой дверь.

Из игорного дома он напрямиком направился в трактир через улицу. Народу там было тьма тьмушкая. Все тонуло в облаках табачного дыма, и лихо наярывал оркестрик: скрипка, флейта и барабан. Гвалт стоял неопиcуемый. Едва отыскав свободное место, Василий-царевич заказал ужин и огляделся. Брата среди подгулявшей публики не было. Обслуживал Василия вертлявый мужичонка, оказавшийся, на удачу, хозяином трактира. Расплатившись за ужин, царевич принялся его спрашивать о среднем брате. Трактирщик малость пошмыгал носом, однако темнить не стал.

– Есть такой парень, – признался он. – Кушал тут много, девок угощал... пока без штанов не остался. Теперь я его, грешного... Тебе-то он зачем?

– Земляк он мой. Привет я ему привёз от родителя.

– Что же, дело доброе. Парняга этот, оказалось, деликатесы готовить мастак. Я его к плите приспособил. Пойдем провожу. Только особо долго не трепитесь. Клиентуры, вишь сколько.

Василий проследовал за трактирщиком на кухню. Средний брат, Бертольд, в поварском колпаке колдовал над большой дымящейся кастрюлей: что-то подсыпал, помешивал, пробовал на вкус. Его пухлая физиономия лоснилась от пота и удовольствия. Трактирщик принюхался, как борзая на охо-

те.

– Дух отменный, – оценил он. – Что готовим?

– Луковый суп по-марсельски, – похвастался Бертольд, оборачиваясь. – Сожрать мне барсучий хвост, Васька! Ты как здесь оказался?!

– Проездом в Китай, – ответил Василий.

Бертольд покраснел, уперся взглядом в кастрюлю и принялся остервенело вращать в ней половником.

– Так уж получилось, – пробормотал он. – Стечение обстоятельств, чтоб у меня брюхо раздуло.

Трактирщик деликатно шмыгнул носом.

– Вы тут не долго, – предупредил он и ринулся на зов клиентов.

Бертольд не отводил взгляда от кастрюли.

– Где Арик? – любопытствовал он после молчания.

– Спасибо, что спросил, – усмехнулся Василий. – Попробуй сам догадаться.

– Проигрался в пух и прах?

– Даже лошадей и карету.

– Волдырь мне на язык, я его повешу!

– Весьма обяжешь. Если, конечно, тебя не затруднит пересечь улицу.

Пропустив колкость мимо ушей, Бертольд осведомился:

– Папаша злиться?

– Нет, танцует от счастья.

– Чёрт! Понимаешь, обстоятельства так сложились...

– Не надо речей, – перебил Василий. – Дождись меня здесь. Вернусь с целебной водой, заберу вас с Ариком, и движем домой вместе.

– Отличная мысль, брат! Так и сделаем! – Просиявший Бертольд поднёс ко рту Василия половник. – Попробуй, каков супец!

Василий попробовал.

– Хм! – причмокнул он.

– Каково?

– Соли не хватает, а пряностей чересчур.

– Что-о?! – обиделся Бертольд. – Васька, ты говнюк!

– Я тоже рад был с тобой повидаться. – Василий пошёл прочь из кухни.

А вслед ему неслоь:

– И состаришься говнюком! И внуки твои будут говнюками, уксус мне в гортань!

Отыскав в толчее хозяина трактира, Василий-царевич прикупил у него еды на дорогу и велел упаковать отдельно копченый бараний бок. Затем, вскочив на коня, поскакал назад к перекрестку.

Не проехал он и версты, как путь ему преградили два молодца с дубинами в руках. Царевич притормозил. И тут же еще двое с дубинами, возникнув из темноты, отрезали ему путь назад. По обеим сторонам дороги шелестел густой лес.

– Приехали! Слазь! – просипел бандит в надвинутой на лоб шляпе.

– Зачем? – осведомился Василий.

В ответ раздался хохот.

– Ему невдомёк! Вразуми его, Сява!

И Сява крутанул дубиной.

– Слазь! – вновь просипел он. – А то ноги переломаю!

Царевич узнал голос одного из «метателей ножей» в игорном доме.

– Никак очухались? – усмехнулся он.

– Ага, – подтвердил тот, кого называли Сявой. – Щас поквитаемся. Сперва от денег тебя облегчим, а после рёбра пересчитаем.

– Не сбейтесь со счёта, – посоветовал Василий, берясь за рукоять меча.

Сява гоготнул.

– Не собьемся. Мы это... как его... специалисты.

Царевич соскочил с коня.

– Сейчас проверим.

До проверки, однако, дело не дошло.

В тьме сверкнули два желтых глаза, и откуда ни возьмись появилась огромная волчица.словно демон мрака, взметнулась она в прыжке и без усилий перекусила бандиту кисть руки, державшую дубину. Рука с дубиной рухнула на землю. Незадачливый Сява заорал от боли и ужаса. Конь царевича, как тогда на перекрестке, заржал и встал на дыбы. Грабители, оглашая ночь воплями, пустились наутек. Василий кое-как утихомирил коня.

Волчица присела на задние лапы.

– Ну как, оттянулся? – прорычала она.

– Кто тебя звал? – буркнул царевич.

Волчица смотрела на него, чуть склонив голову набок.

– Я гуляю, где захочу, фехтовальщик.

– Я бы сам легко с ними справился.

– Может, да, а может, нет. Я не могу рисковать.

– Что ты имеешь в виду?

– То, что должна одолеть тебя в поединке.

– Опять за свое! Я обещал: вернусь из Китая, тогда...

– То ли вернёшься, то ли костями ляжешь. Мне это не подходит.

Царевич вскочил на коня.

– Рыжая, ты меня достала.

– Взаимно, – парировала волчица.

Василий улыбнулся.

– Значит, расстанемся без слёз. – И он поскакал к перекрестку дорог.

– Смотри, не свались в яму! – пожелала ему волчица.

– Не объедайся волчьими ягодами! – отозвался царевич.

Доехав до камня на перекрестке, он свернул на ту дорогу, где, если верить надписи, проблем не оберешься. Луна скрылась в тучах, и стало темно – хоть глаза выколи. Разумно было заночевать в лесу.

Расседлав коня, чтоб он мог пасть, Василий развёл костёр и принялся за нехитрую трапезу. Рядом с собой он поло-

жил копченый бараний бок, от которого не отъел ни кусочка. Тишина в лесу была необычайная: ни ветерка, ни шороха, ни крика ночной птицы. Сидя на расстеленном плаще, царевич впал в дрему, однако вдруг ощутил сильный озноб. Хоть костёр полыхал во всю, но потянуло таким холодом, будто вместо лета вмиг наступила зима. Стряхнув сонливость, Василий огляделся.

Внезапно перед ним возник человек, в пестром одеянии и с чалмой на здоровенной голове. Человек этот висел в двух-трех дюймах над землей, и сквозь него просвечивался огонь костра. Глаза незнакомца взирали на царевича с лютой злобой, а тонкие губы беззвучно шевелились со змеиной ухмылкой. От холода у Василия застучали зубы, и он непроизвольно потянулся к мечу. Однако рука его онемела. «Ну вот, – подумал царевич, будучи не в силах шевельнуться, – проблемы начались». Меж тем бесплотный человек в чалме приблизился и протянул руку к его лицу. словно тысячи игл вонзились в кожу Василия, причиняя нестерпимую боль. Он собрал всю свою волю в попытке сбросить чары, но тело ему не повиновалось. Призрак беззвучно захохотал, и от смеха лик его сделался воистину ужасным. Из пышного рукава он извлёк стилет, бесплотный, как он сам, и замахнулся, направив остриё царевичу в глаз. Застывший Василий не мог даже отклониться.

И тут из черноты леса в круг огня впрыгнула волчица. Она полоснула клыками руку призрака, сжимавшую стилет.

Рожа человека в чалме перекосилась от немого крика. Стилет выпал, а из бесплотной руки закапала чёрная кровь. Глядя в глаза волчицы жутким фосфорическим взглядом, он столь же беззвучно произнес нечто – очевидно, страшное проклятие – и растаял в воздухе. Капли его крови на траве и выпавший стилет, вспыхнув синим пламенем, обратились в смрадный дым, который унес налетевший вдруг ветерок. И сразу вернулось лето. Зашелестели деревья, слышались крики филина.

Василий расправил затёкшие плечи. Но волчица стояла неподвижно, вперившись в то место, где только что парил в воздухе дьявольский незнакомец, и шерсть на её загривке топорщилась.

– Эй! – обратился к ней Василий. – Ты опять тут как тут! Волчица повернула к нему морду.

– Ну как, помогло твоё искусство, фехтовальщик?

Царевич помолчал и спросил:

– Кто это был, чёрт побери?

Волчица также помедлила с ответом.

– Откуда, чёрт побери, я знаю? Я тебе не справочное бюро.

– Врёшь, – сказал царевич, – всё ты знаешь, рыжая.

– Я знаю одно: мы сразимся – и я тебя убью!

– А я знаю другое, – возразил Василий. – Если я кому-то могу доверять в этой жизни, так это тебе.

Волчица явно пришла в смятение.

– Ты, Вася, это... говори да не заговаривайся! Я просто

случайно тут... Короче, привет китайскому императору! – И она сиганула в темноту.

Царевич улыбнулся.

– Эй, рыжая! – позвал он. – Вернись на минутку!

Волчица высунула морду из кустов орешника.

– Чего тебе?

Василий развернул копчёный бараний бок и бросил ей.

– Поробуй. Это вкусно.

Волчица понюхала, облизнулась и уточнила:

– Это, что ли, всё мне?

– Ага, специально захватил.

– Как это, специально? А если б ты меня не встретил?

Василий пожал плечами.

– Если бы да кабы. Ты, конечно, гуляешь, где хочешь... но всё время где-то поблизости.

Волчица аж подскочила.

– Слушай, болтун! Знаешь, где я таких видала?! – Схватив бараний бок в зубы, она умчалась во тьму.

Костёр догорал. Царевич прилёг, завернувшись в плащ и положив под голову седло.

– Приятного аппетита, рыжая, – пробормотал он, засыпая.

Ночь прошла спокойно, и рассвет был теплым и безоблачным. Василий пробудился, умылся росой и, оседлав коня, продолжил путь. Ехал он не так чтоб долго, но и короткой дорога его не была. День сменялся ночью, а после ночи вновь наступал день. В пути обошлось без приключений. Разве что

шляпу ветром унесло. Волчица на глаза не показывалась: характер, видать, выдерживала.

Она явилась на последнем ночлеге, за полторы версты до границы с Китаем. В пламени костра шерсть волчицы отливала медью, а жёлтые глаза сверкали решимостью. В зубах она держала мелкое лесное яблоко.

Василий-царевич полулежал на расстеленном плаще.

– Привет, рыжая! – улыбнулся он. – Какие новости?

Волчица положила перед ним яблоко.

– Съешь, – буркнула она. – Сорт называется «катайка».

Царевич повертел яблоко пальцами.

– Спасибо, что-то нет аппетита.

Усевшись на задние лапы, волчица принялась его уговаривать, как доктор больного:

– Послушай, ты ведь в Китай собираешься, так?

– И что с того?

– А на каком языке ты собираешься разговаривать с китайцами и с самим императором?

– На языке мимики и жестов. Или толмача найму.

– Но зачем толмач, если можно просто съесть это яблоко?

Брови царевича приподнялись.

– Ты хочешь сказать, что я смогу понимать...

– Не только понимать, но и говорить.

– Понимать и говорить по-китайски?

Уши волчицы торжественно шевельнулись.

– Не только по-китайски. Вообще на любом языке.

Василий недоверчиво понюхал яблоко.

– Съев эту кислятину? – уточнил он.

– Именно, – кивнула волчица.

Царевич поднёс яблоко ко рту.

– Что ж... послушаю тебя, Ева.

Волчица вдруг ощерилась.

– Не смей называть меня Евой!

– Тут ничего обидного, – поспешил заверить Василий. –

Прародительница Ева с помощью яблока устроила нам весёленькую жизнь. Вот я и подумал, что...

– Я знаю эту историю! – сердито перебила волчица. – Ешь «китайку» и не смей называть меня Евой!

Царевич вздохнул.

– Склочное ты животное. – Надкусив яблоко, он скривился. – Ну и гадость! Ладно, только из уважения к тебе. – Он лихо сжевал «китайку» и выплюнул косточки.

– Так-то лучше, – довольно проговорила волчица.

Василий замер, прислушиваясь к своим ощущениям.

– Теперь я могу трепаться на любом языке?

– В Китае убедишься. – Волчица пошла восвояси.

Царевич ее окликнул.

– Ева, постой!

– Опять! – в гневе обернулась волчица.

– Почему бы тебе не отправиться со мной? – предложил Василий. – Все равно ты как бы... уже в деле. А когда вернёмся домой, будем сражаться с тобой до потери пульса.

Волчица вздохнула.

– Додумался наконец. Ну и в качестве кого я с тобой отправлюсь?

Царевич развел руками.

– В качестве моей собаки, разумеется. Надеюсь, тебе не в обиду?

Волчица опять вздохнула и улеглась у костра, положив морду на передние лапы.

– Ладно, – буркнула она. – Но не смей называть меня Евой.

И утром они въехали в Китай. Конь царевича волчицы уже не боялся, лишь косил на нее порой умным карим глазом. Волчица при том прикидывалась послушной собачкой: бежала рядом, выполняла команды и, главное, прилюдно держала язык за зубами. Встречные, однако, обходили ее стороной и с опаской показывали пальцами.

Китайцы оказались народ как народ, только одежды чудные да у мужчин косички. Речь их Василий понимал, как родную, и общаться мог без труда.

– Благодарю тебя, Ева. Ты словно цветок опадающей вишни для одинокой души, – продекламировал царевич по-китайски при въезде в большой город.

Волчица метнула на него гневный взгляд, но из конспиративных соображений промолчала.

С помощью коротких расспросов Василий выяснил, где находится дворец императора. Они отправились туда немед-

ленно и добрались, когда солнце уже садилось.

Императорский дворец был гораздо роскошней дворца отцовского, и пурпурный закат полыхал над ним, как победный стяг. Дворец окружала стена, охраняемая многочисленной стражей.

– Теперь слушай, – тихо проговорила волчица. Василий соскочил с коня и склонил к ней ухо. – Целебный источник вытекает из-под корней старой сливы, которая произрастает в императорском саду и цветет раз в три года. Отыскать это дерево нетрудно: возле него стоит нефритовая скамья в форме спящей кошки. Как только стемнеет...

– Откуда тебе все это известно? – полюбопытствовал Василий.

– От верблюда, – огрызнулась волчица. – Как стемнеет, я отвлеку охрану. А ты перелезешь через стену и...

– Как, интересно, я перелезу? Стена вон какая.

– Чуть подальше, если обогнуть дворец по часовой стрелке, растет корявый коштан. Ветви его тянутся через стену. Перелезешь по этим ветвям и, разыскав источник, наберешь воды...

– Во что, в карман? Посуды, изволь заметить, я не захватил.

– На нефритовой скамье стоит серебряный кувшин. Наполнишь его, тихонько перелезешь обратно – и ноги в руки. Я буду вон за тем пригорком. И коня покараулю. Вопросы есть?

Василий покачал головой.

– Похоже, ты всё предусмотрела.

– Да, – кивнула волчица. – Надо лишь дождаться темноты.

– Не пойдет, – отрезал царевич. – Мне твой план не нравится.

От изумления волчица аж пасть разинула.

– Как это?.. Почему не нравится?

– Не стану я действовать как воришка. Просто встречусь с императором и попрошу у него водички. Небось не откажет.

Приподнявшись на задние лапы, волчица заглянула Василию в глаза.

– Совсем сбрендил?

– Угадала.

– Такой честный, да?

– Опять в самую точку.

Отпрянув, волчица принялась нервно расхаживать возле ног коня. Конь взирал на нее с любопытством.

– Послушай, чокнутый Вася! – затараторила она в ярости. – Императору Лао Ван Мину триста лет! Даже если он предложит тебе чашку чая – рви когти без оглядки! Потому что этот хитрый старый лис за одно мгновение десять раз купит тебя и продаст со всеми потрохами! Ты понял, сдвинутый фехтовальщик?

Василий задумчиво тербил конскую гриву.

– У тебя всё? – осведомился он. – Тогда меня послушай.

Ева, ты не права. Хотя ты знаешь много такого, что мне пока не ведомо, но ты, как отец мой и братья, видишь только одну сторону монеты. Ни купить меня, ни продать, поверь, нельзя. И человек, проживший триста лет, думаю, сразу в этом разберется.

– Господи, что за болван! – взвыла волчица. – А если не разберется?!

– Значит, у него что-то со зрением. – Василий привязал коня к дереву. – Жди меня здесь, Ева. – Он зашагал к императорскому дворцу.

– Не смей называть меня Евой! – раздалось за его спиной. В ответ царевич помахал рукой.

Стоило ему приблизиться, стража у ворот ошетишила копыя.

– Без паники, ребята! – проговорил Василий-царевич. – Это не бандитский налет!

Один из стражников – судя по одеянию, здесь главный – суровым голосом спросил:

– Кто ты, чужеземец, и чего хочешь?

– Я сын царя Ивана. Хочу поговорить с императором.

Стражники захихикали. Указывая на Василия пальцами, они стали обмениваться мнениями о чумазой шантрапе, имеющей наглость выдавать себя за вельможную особу. Однако их начальник оказался не так прост. Жестом руки утихомирив насмешников, он столь же сурово произнес:

– Я доложу Избраннику Богов. Жди. – С этими словами

он вошёл в ворота.

Василий подмигнул стражникам.

– Каждый может ошибиться, ребята.

На сей раз стражники промолчали. Они хмуро застыли, уперев копыя в землю, и косички их торчали, как беличьи хвосты. Вскоре возвратился их начальник.

– Идём, – пригласил он царевича. – Ты удостоен беседы.

Они миновали ворота и по дорожке, устланной морскими раковинами, направились в сад. В лучах заката императорский дворец, казалось, был покрыт червонным золотом. А сад, в котором росли причудливые деревья и диковинные цветы, выглядел уголком земного рая. Восхищенно озираясь, Василий-царевич спросил:

– Куда мы идём?

– Уже пришли. – Начальник стражи указал на нефритовую скамью в форме спящей кошки. – Отдохни. Властелин Поднебесной к тебе выйдет. – И он зашагал на свой покинутый пост.

А Василий в изумлении увидел старую сливу, из-под корней которой бил искрящийся ключ, образовавший маленький прудик, прозрачный как слеза. Присев на скамью-кошку, царевич потрогал серебряный кувшин, стоявший на ее плоской голове. Всё оказалось в точности так, как описывала волчица. Можно было зачерпнуть воды, перемахнуть через стену и... Василий отдернул руку от кувшина.

Солнце почти село. Неподалёку черноволосый стройный

юноша подстригал кусты жасмина. Одежка на нем была лёгкая, штаны да рубаха, и трудился он с увлечением. Казалось, своими движениями юноша развеивал по саду жасминный аромат.

– Эй! – обратился к нему Василий. – Ты садовник?

Прервав работу, юноша поклонился.

– Да, господин.

– Скажи-ка, братец, этот источник... он и вправду такой чудодейственный?

– О да, господин. – Вытерев руки о штаны, садовник приблизился. Ногти у него на пальцах были длинными и ухоженными. – Позволено ли будет мне, букашке ничтожной, также задать вопрос?

Василий кивком указал на скамью.

– Садись и задавай.

– О нет, господин. Сверчок запечный знает своё место. – Лицо юноши было словно отлито из бронзы, а раскосые глаза внимательно наблюдали за царевичем. – Но не сочтите дерзостью, господин, моё любопытство: понравился ли господину императорский сад?

– Очень понравился, – ответил Василий. – Но прекрати языком кружева плести.

Глаза юноши блеснули. Чтобы спрятать их выражение, он вновь поклонился.

– Надеюсь, господин извинит навозного жука за скверные манеры и не примет за назойливость вопрос: какого госпо-

дин роду-племени и зачем пожаловал в Поднебесную?

– Причём тут род-племя? – ответил Василий. – Я просто путешествую. Нравы изучаю.

Взгляд садовника вырозил удивление.

– Но ведь начальник стражи... кажется, он доложил императору, что вы сын царя Ивана?

– Подслушивал? – Царевич изобразил негодование.

Юноша снова поклонился.

– Простите жалкого червя, господин. Я был неподалёку и не заткнул себе уши.

Василий рассмеялся.

– Прежде я не доверял слухам про этот источник, – сказал он. – Зато теперь вполне убедился.

Садовник застыл в поклоне.

– Что же поколебало недоверие господина? Ведь, насколько презренный раб успел заметить, господин даже пальца не окунул...

– Довольно комедии, император, – перебил Василий-царевич. – Тебе, по слухам, три сотни лет, а выглядишь как огурчик. Нужны ли ещё доказательства?

Юноша резко выпрямился. Лицо его вспыхнуло.

– Как вы... как ты догадался?

Василий подмигнул.

– Не держи меня за дурня, Лао Ван Мин. И можешь пристежь рядышком, сверчок запечный.

Император звонко рассмеялся.

– Я думал, ты варвар, – признался он, садясь.

– Мне сказали, ты старый лис, – парировал царевич.

Юноша вздохнул.

– Извини. У нас в Китае император частенько ведет себя, как садовник, а садовник – как император.

– С чем вас и поздравляю. – Василий дотронулся до кувшина. – Дашь мне водицы для старика-отца, Лао Ван Мин?

Взглянув на темнеющий небосклон, император сказал:

– День завтра будет жаркий и безветренный. В моём пруду распустится цветок лотоса.

– Опять кружева, – прокомментировал царевич. – Ответь конкретно: дашь воды или нет?

– Ты произносишь моё имя, – вздохнул император, – а я не знаю, как обращаться к тебе?

– Зови меня просто Василий Иванович. Можно – Вася. Только ответь на вопрос, не тяни резину.

– Я дам тебе воду, Вася. А ты, быть может, согласишься выполнить одну мою просьбу.

– А если не выполню? – насторожился царевич.

– Воду я дам тебе в любом случае. А насчёт моей просьбы, захочешь ли, сможешь ли – решай сам.

Василий-царевич кивнул.

– Говори. Только без словесных узоров.

Император чуть помедлил в замешательстве.

– В Японии, у могущественного сёгуна Митагавы есть дочь – прекрасная Кусика. Я хочу взять ее в жёны. Согла-

сишься ли ты мне в этом помочь?

– Погоди, – опешил Василий. – Девушка-то знает о твоих намерениях?

– О да! Мы познакомились на чайной церемонии во дворце японского императора год назад, когда я нанес ему визит. Кусика и я... мы оба совершенно потеряли голову.

– Тогда в чем проблема?

– В её отце. Он считает меня неженкой, не способным произвести на свет сына-самурая. Этот Митагава такой упрямый старый хрен...

– Что-то я не врубаюсь, – перебил Василий. – Ты любишь Кусику, Кусика любит тебя. И тебе нужен я, чтобы эта японская краля стала китайской императрицей – так, что ли? Послушай, Лао Ван Мин...

– Называй меня Лао.

– По-моему, Лао, тут кто-то кого-то дурачит.

Император вскочил со скамьи.

– Ну не желает сёгун отдавать за меня дочь! Не желает и баста! Упрямый самурайский ублюдок.!

– Тихо, Лао, не горячись.

– Я не горячусь! Целый год уже не горячусь! Не то объявил бы войну этой чванливой Японии... Помоги, Вася!

Василий-царевич задумчиво потёр подбородок.

– Ты хочешь сказать, что мне, как представителю нейтральной державы...

– Да!

– ...будет гораздо удобнее туда отправиться...

– Да!

– ...и попытаться уладить твой брачный вопрос.

А за это...

– Тебя сами боги мне послали!

– А за это, Лао, ты позволишь мне набрать воды из твоего целебного источника. Так?

– Да! Да!... Нет, перестань меня путать. Воду бери хоть сейчас. Если ты откажешь мне в помощи – неволить тебя не буду. Возвращайся домой к отцу. – Император взволнованно прохаживался возле нефритовой скамьи.

Василий пристально за ним наблюдал.

– Знаешь, Лао... а ты и вправду хитрый старый лис.

Император рассмеялся.

– Вижу, ты согласен, – сказал он. – Отправишься в Японию утром. А сейчас я прикажу омыть тебя ароматной водой. Ты насладишься изысканными кушаньями и тончайшим вином. Затем тебя ублажат самые прелестные наложницы.

Царевич покачал головой.

– Император Лао, ты забыл мудрую китайскую поговорку: «Лишь глупец громоздит одно удовольствие на другое». Я отправляюсь немедленно, отдохну в дороге. А ты, старина, ухаживай тут за садом и вспоминай свою прекрасную Кусику.

– Вспоминать – значит страдать дважды, – вздохнул император. – Вот другая китайская поговорка.

– Ну и пострадай, ничего тебе не сделается. Вон ты какой у нас крепыш.

Император с улыбкой кликнул слуг и велел собрать царевичу еды на дорогу. Затем растолковал, как ближе доехать, и проводил до ворот.

– Будь внимателен, Вася, – предупредил он на прощанье. – Сегодня тебе дали дельный совет, как достать воду. Ты не послушался...

– Откуда тебе известно? – вылутился на него Василий.

Император невозмутимо продолжал:

– Вскоре тебе опять дадут хороший совет. Но, похоже, ты и ему не последуешь. Через короткое время ты получишь третий совет. Во имя богов не отвергай его, друг мой, иначе попадешь в большую беду. – И, не дав изумленному царевичу опомниться, юноша-император в одежде садовника скрылся за дворцовыми воротами.

А Василий, размышляя над его словами, вернулся в то место, где его дожидались волчица и конь. Уже совсем стемнело, и звезды в небе светились, будто китайские фонарики.

Жёлтые глаза волчицы смотрели на царевича с укором.

– Где тебя носило?

– Наслаждался китайской кухней, – ответил Василий.

Волчица фыркнула.

– Готова поверить. А кувшина с водой в твоих руках что-то не видать.

– Не всё сразу. – Отвязав коня, царевич вскочил в седло. –

Сперва сгоняем в Японию.

– Куда-а?! – Глаза волчицы, казалось, стали еще огромней.

– Понимаешь, Ева, тут дело такое... Помочь надо мальчонке. Императору то есть. – Царевич рассказал без утайки то, что произошло с ним в императорском саду.

Волчица пришла в ярость.

– Ну ты пентюх!

– Выбирай выражения.

– Он купил тебя и продал, растяпа!

– Я мог отказаться. Воду он мне и так предлагал.

– Он предлагал лишь потому, что знал: ты не откажешь, олух!

– Ева, мне осточертела твоя брань. Мне, представь себе, нравится путешествовать, изучать разные обычаи...

– Ага, изучай! Только без меня!

– Ну и катись.

– И покачусь! А ты, болван, дуй за японской невестой!

И Василий-царевич поскакал в направлении, указанном императором Лао, а волчица побежала в противоположную сторону. Через часок-другой, однако, она его догнала и проворчала:

– Сколько тебе повторять: не называй меня Евой!

Царевич покосился на неё через плечо.

– Император, кстати, мне выдал: «Тебе, – говорит, – сегодня дали совет, как достать воду, но ты не послушался.

А вскоре, – говорит, – тебе дадут еще совет...» Представляешь? Будто он слышал наш с тобой разговор.

– Ничего себе! – удивилась волчица. – Он что, ясновидящий? Хотя за триста лет жизни много премудростей одолеть можно.

Василий согласно кивнул.

– То-то и оно. Смотрится, как пацан. Ева, а тебе часом не триста лет?

– Нет, Вася, – ехидно отозвалась волчица. – Может, я неважно выгляжу, но мне гораздо меньше.

Так, беседуя, они заехали на широкое поле, покрытое пышной травой. Здесь царевич решил передохнуть и заночевать. Пустив коня пастись, Василий расстелил плащ, и они с волчицей подкрепились из императорских припасов. Вокруг распевали цикады.

– Как тебе китайская кухня? – сонно любопытствовал царевич.

– Предпочитаю французскую, – ответила волчица, грызя утиную косточку.

Брови царевича поползли вверх.

– И в каких же это лесах пробовала ты французские блюда?

Волчица в досаде сплюнула кость.

– Не твоё дело! Нечего меня на слове ловить!

– Поймаешь тебя, как же, – усмехнулся Василий. – Я, между прочим, давно заметил...

– Помолчи! – Волчица насторожила вдруг уши. – Похоже, он явился опять.

Пенье цикад резко оборвалось, конь в испуге заржал, и внезапно потянуло могильным холодом. Шерсть на загривке волчицы поднялась дыбом. Царевич напряженно огляделся.

– Дружок твой закадычный? – высказал он догадку.

Волчица глухо прорычала:

– Достань меч и очерти им круг. Живей. Ты, я и конь должны оказаться внутри круга.

Едва царевич выполнил это указание, как из мрака вновь появился незнакомец в чалме. Как и в первый свой визит, он висел в нескольких дюймах над землей, и ухмылка на его губах была столь же мерзкой. Вытянув руку со скрюченными пальцами, он стал приближаться к царевичу и волчице. Холод усилился.

Но призрак вдруг застыл, будто натолкнувшись на невидимую преграду. Опешив, он сделал еще попытку – и мерзкая его рожа искривилась от злобы. Призрачный урод, желая достать человека и зверя, с невероятной скоростью стал метаться по кругу, однако не мог преодолеть очерченную мечом линию. Наконец, то ли претомившись, то ли осознав тщетность своих усилий, призрак остановился и в бешенстве погрозил царевичу пальцем. Запястье уroda, видимо, от укуса волчицы, перевязано было платком.

Василий сжал рукоять меча.

– Хочешь, чтоб я к тебе вышел? – процедил он сквозь зубы, делая шаг.

Волчица встала перед ним, оскалась.

– Я тебе выйду! Я тебе так выйду...

Призрак беззвучно захохотал. Затем, указав на волчицу пальцем, что-то пробормотал и, словно тень от грозового облака, умчался прочь.

Василий-царевич пробормотал:

– Ещё встретимся, красавчик!

– Надеюсь, что нет, – прорычала волчица. Она устало улеглась на траву. – Спи, неужённый Вася. Предупреждала тебя надпись на камне: проблем не оберёшься. Отдохни хорошенько.

Василий пристально на нее посмотрел.

– Ева, что это за тип? Может, объяснишь...

– Спи! И не называй меня Евой!

Ранним утром по дороге, указанной императором, они отправились в Японию и через некоторое время прибыли туда без осложнений и препятствий. Василий-царевич, съевший лесное яблочко, разумеется, хорошо говорил по-японски. Поэтому дом сёгуна Митагавы они разыскали без особого труда. Оставалось лишь заполучить невесту для императора Лао.

Денек был пасмурным. Озабоченные делами японцы сновали по улочкам, кланяясь и улыбаясь друг другу. Дом сёгуна выглядел древним и обветшалым. Волчица, остановив

царевича, сказала:

– На сей раз сделаем по-моему. Ночью, когда сёгун Митагава и двенадцать его самураев заснут...

– Откуда тебе известно, что их двенадцать? – перебил Василий.

Волчица издала сердитый рык.

– Это всем известно, кто хоть раз побывал в Японии! Когда они уснут...

– А если не уснут? Может, они водку пить примутся или в кости сядут играть.

– Вот зануда! Ни игра, ни выпивка самураев не интересуют, понял? Ночью они дрыхнут – хоть из пушки пали. Поэтому ты преспокойно влезешь в третье окно справа, считая от крыльца. Оно будет открыто: дочь сёгуна любит свежий воздух. Ты заберешься к ней в спальню, разбудишь ее и шепнешь: «Император Лао». Услышав эти слова, Кусика пойдет с тобой хоть на край света. Вытащишь ее через окно, посадишь на коня – и мы рванем в Китай во все лопатки. Возражения есть?

Царевич вздохнул.

– Почему ты уверена, что девушка не поднимет крик? Или это тоже известно всем, кто хоть раз побывал в Японии?

Волчица смущенно отвернула морду.

– Ну, видишь ли... Я не люблю об этом трепаться, но у меня с детства проявились кое-какие способности...

– Ева, ты эстрасенс, что ли?

– Да пошёл ты! Давай ближе к делу: согласен с моим планом или нет?!

– Нет, разумеется. Ни в какие окна я не полезу.

– Вася, ты мне не доверяешь? Думаешь, что-то пойдет не так?

– Напротив, я уверен: все будет именно так, как ты говоришь. Вернее, было бы, если б я последовал твоему совету. Но, как предвидел Лао Ван Мин, этого совета я тоже не слушаюсь. Извини.

– Но почему, чёрт возьми?! Почему?!

– Потому что я не похититель. Я просто пойду к сёгуну Митагаве и вполне официально посватаю его дочь за моего друга Лао.

Волчица едва не завывала от досады.

– Вот придурок, прости Господи! Да не успеешь ты подойти к дверям, как самураи вместо «здрасьте» пошинкуют тебя почище капусты!

Василий отмахнулся.

– Их всего двенадцать, ты сама сказала.

Присев на землю, волчица обхватила лапами голову.

– Всего двенадцать! Да это ж не люди – это бешеные носороги!

Царевич потрепал ее по загривку.

– Я тоже, знаешь ли, не пальцем деланный. Пойдем, подождешь меня в тихом местечке. – И взяв коня под уздцы, он повел его вдоль улочки.

Понимая, что спорить бесполезно, волчица затрусилась следом. Вскоре они нашли небольшой пустырь, где царевич пустил коня щипать чахлую травку и наказал волчице его стеречь.

– Если не вернешься до полуночи, – прорычала волчица, – приду за тобой сама. Если, конечно, не поздно будет.

– Вернусь до темноты, – твердо пообещал Василий, уходя.

Облака на небе сгустились. Накрапывал мелкий дождь, и народ на улицах рассеялся. Однако стоило царевичу приблизиться к жилищу Митагавы, как на крыльцо, словно только его и ждали, выскочили воины в черных одеждах и с мечами в руках. Воинов было двенадцать. Сбежав с крыльца, они окружали Василия.

– Защищайся! – крикнул один из них.

В этот момент на крыльцо вышел старик, худой и жилистый, с властным выражением лица. Очевидно, это и был сёгун Митагава.

– Я не хочу с вами воевать, – обратился к старику царевич. – Я пришел сватать вашу дочь за...

– К чему слова? – перебил сёгун. – Доставай меч – пусть он скажет.

– Но я всего лишь хотел...

– Банзай! – вскричал один из самураев, кидаясь в атаку.

– Сами напросились! – разозлился Васидий и выхватил меч.

И тут же все самураи с дикими воплями обрушили на него

шквал рубящих и колющих ударов. Однако Василий искусно их парировал. На непроницаемых лицах японских воинов отразилось удивление. Они усилили натиск, но успеха опять не добились. Фихтующий царевич оказался недостижим для их оружия.

– Вот блоха прыгучая! – пробормотал изумленный сёгун. – Откуда ты взялся?

– Я не хочу их убивать! – крикнул ему Василий. – Прикажи им остановиться!

Сёгун невозмутимо возразил:

– Они готовы к смерти. Готов ли к ней ты?

– Не готов! Я пришёл сватать твою дочь за...

– Убей их, – вновь перебил Митагава, – и моя дочь – твоя.

А если сам погибнешь, я похороню тебя с почестями.

Тут самураи словно обезумели. Пытаясь прикончить Василия-царевича, они нападали, как разъяренные барсы. Однако Василий, отбивая атаки, орудовал мечом с быстротой молнии и не получил ни единой царапины.

– Чёрт побери! – восхитился Митагава.

И Василий ему крикнул:

– Если я их всех разоружу, ты отдашь свою дочь за...

– Да, – отрубил сёгун. – Сделаешь это, она твоя.

В тот же миг меч одного из воинов взлетел вверх, перевернулся и вошёл острием в землю. Через короткое время еще два меча повторили подобный полет. А вскоре все мечи самураев торчали из земли вверх рукоятками.

Переведя дух, Василий сунул меч в ножны.

Тут двенадцать самураев в ярости выхватили свое оружие из земли. Нахмурившись, Василий-царевич вновь взялся за рукоять меча. Но самураи на него даже не взглянули. Рухнув на колени перед сёгуном, они нацелили острия своих мечей в собственные животы.

– Э-э! – забеспокоился Василий. – Что за дела?!

Сёгун сурово на него посмотрел.

– Ты, чужестранец, не знаешь наших обычаев. Если самурай покрыл себя позором, он совершает обряд сеппуку. И добровольный уход из жизни восстанавливает его честь.

– Прекратите сейчас же! – заорал царевич. – Какое к чертям сеппуку?! Они дрались, как львы! А я... мне просто повезло, понятно?!

В глазах сёгуна Митагавы что-то блеснуло.

– Назови своё имя, – произнес он хрипло.

– Василий! Какая на фиг разница?! Главное, чтоб никакого сеппуку! А то гордые тут все – спасу нет!

Сёгун уважительно ему поклонился.

– Ладно, Василий-сан. – Он махнул стоящим на коленях самураям. – Поднимитесь. Вы бились достойно. Проиграть такому воину – великая честь.

Из двенадцати глоток вырвался единый вздох.

Отстранив мечи от своих животов самураи поднялись и отряхнули колени.

Царевич во второй раз перевел дух.

В этот момент дождик прекратился и выглянуло солнце.

Сёгун Митагава приказал:

– Приведите Кусику.

Один из самураев бросился в дом и вскоре вышел на крыльцо с юной девушкой в зеленом кимоно. Затеяливая прическа девушки держалась на длинных прямых шпильках. Дочь сёгуна робела и была просто прелестна. Она поклонилась отцу, затем – присутствующим мужчинам.

– Кусика, – обратился к ней сёгун, – я отдаю тебя замуж. – Он указал на Василия-царевича. – Вот за него.

Девушка так побледнела, что казалось, вот-вот упадет в обморок.

Обалдел и Василий.

– Как это?.. В смысле?..

Однако сёгун не обратил на него внимания.

– Будь ему служанкой и верной подругой, – напутствовал Митагава дочь. – И веди себя, как подобает жене воина.

– При чем здесь я?! – вскричал царевич. – Это недоразумение!

Сёгун посмотрел на него с досадой.

– В чем дело, Василий-сан?

– Дело в том, Митагава-сан, что не я женюсь на твоей дочери, а император Лао Ван Мин. Я думал, мы с тобой договорились.

Стало так тихо, что было слышно, как по листу подорожника ползет улитка. Щёки девушки из бледных сделались

пунцовыми, и она поспешно опустила взгляд. Сёгун, приоткрыв рот, несколько мгновений не мог вымолвить ни слова, потом рывкнул:

– Что ж ты мне голову морочил, мать твою?!

– У-у-у! – свирепо взвыли самураи, опять хватаясь за мечи.

– Что «у-у-у»?! – рывкнул в ответ царевич. – Разве я не пытался вам объяснить?! Вы же не хотели слушать!

Самураи переглянулись.

– О-о-о! – выдохнули они, оставляя в покое оружие.

Сёгун упер руки в бока.

– Ну-ка, повтори, чтоб я понял!

– Китайский император и твоя дочь любят друг друга. – Василий старался говорить спокойно. – Если ты не возражаешь я отвезу Кусику к нему во дворец, и они поженятся. Разумеется, Митагава-сан, тебе пришлют приглашение на свадьбу.

Почесав под мышкой, сёгун любопытствовал:

– Ты чокнутый?

– Нет, – чуть слышно возразила Кусика, – он хороший.

– Не возникай! – осадил её отец. – Я не отдам тебя за этого китайского прощельгу, за этого трехсотлетнего молокососа, за этого...

– Митагава-сан! – нахмурился царевич. – Не смей оскорблять моего друга Лао!

Кусика благодарно на него посмотрела. Самураи в смущении

нии уперли взгляды в землю. Сёгун в гневе на них заорал:

– Дармоеды! Вашему господину дерзят, а вы и ухом не ведете! – Затем совершенно спокойно обратился к царевичу: – Я согласен, Василий-сан. Но с условием.

– С каким еще условием? – насторожился царевич. – Я обезоружил твою охрану – это и было условие. Или забыл?

Сёгун кивнул.

– Я дал слово, и оно крепче гранита. Но я обещал отдать Кусику за тебя, а не за этого... императора Лао. Разве не так? – Глаза сёгуна лукаво блеснули. – Если ты женишься на Кусике сам – клянусь Буддой, мы ударим по рукам хоть сию минуту.

Василий в досаде пнул ногой камешек.

– Эх, не слушаюсь я умных советов! Ладно, Митагава-сан, говори свое условие.

Зыркнув по сторонам, сёгун приблизился к царевичу вплотную и тихо произнес:

– Достань мне янтарную шкатулку индийского раджи Калисингха.

Самураи вновь взвыли:

– У-у-у! – Но теперь это походило на стон.

– Как ты можешь, отец?! – вырвалось у Кусики.

Митагава запальчиво возразил:

– Ничего особенного! Такой могучий воин с этим справится!

Один из самураев оторвал взгляд от земли.

– Но, господин, с раджой Калисингхом никакое воинское искусство...

– Заткнись! – гаркнул сёгун. – Василий-сан волен отказаться. Если у него кишка тонка, мы разойдемся каждый при своих.

Вздыхнув, царевич обречённо уточнил:

– Мне теперь что ж, в Индию пилить?

– Зачем? – Сёгун похлопал его по плечу. – Из Индии этого раджу с треском выперли.

– За кровавые колдовские обряды, – с дрожью в голосе ввернула Кусика.

А сёгун невозмутимо продолжил:

– Теперь он у нас тут обретается. На окраине города, в неказистом домишке.

– К домишку этому никто из жителей на пушечный выстрел не подходит, – встряла опять Кусика. – Василий-сан, не рискуйте жизнью ради... ради меня и...

– Закрой рот! – прикрикнул на дочь сёгун. – Сердце воина не ведает страха. Героя не остановят причитания женщин и воронье карканье.

Василий криво усмехнулся.

– Мастер ты подначивать, Митагава-сан. Но дочь у тебя лучшая в мире.

– Да, – кивнул сёгун, – думаю, она стоит янтарной шкапулки.

– Она стоит большего, – сказал царевич. – Она стоит моего

друга Лао. Давай адрес этого Калисингха.

Обрадованный сёгун объяснил ему, как разыскать дом опального индийского раджи, и милостиво разрешил:

– Не торопись. Неделька-другая роли не играет.

– Никаких недель, – отрезал Василий. – Решу твой вопрос за день. Вот где мне эти приключения! – Он чиркнул пальцем по своему горлу. – Поехал за одним делом, потом возникло другое, теперь вот уже третье, и конца не видать. Так что затягивать не будем, Митагава-сан. Готовь дочь к отправлению в Китай. – С этими словами царевич развернулся и зашагал прочь.

За спиной его сырым туманом повисло молчание.

Солнце меж тем, набрав силу, осушило лужи и метало свои лучи-стрелы куда ни попадя. Конь Василия-царевича лениво щипал травку, а волчица – высунув от жары язык, лежала в тени дуба.

– Ну как, отдали тебе девушку миром? – ехидно осведомилась она. – И где ж ты прячешь императорскую невесту? В карман, небось, положил?

Василий смущенно теребил конскую гриву.

– Ева, не прикалывайся. Если б начать все сначала, я поступил бы точно так же.

– Ясно, – кивнула волчица. – Вместо дочери сёгуна ты получил новое задание.

Царевич готов был сквозь землю провалиться.

– Лично тебе, – сказал он, – участвовать не обязательно.

Лежи тут, отдыхай... Я сам разберусь.

– Валяй, разбирайся. Только не называй меня Евой.

Василий вздохнул с облегчением.

– Ну так я пошел. Не скучай тут.

Волчица не шевельнулась, но голос ее звучал столь же ехидно:

– Вась, а задание-то какое? Чисто из интереса.

Вскочив на коня, царевич небрежно отмахнулся.

– Пустяки. Надо заполучить янтарную шкатулку раджи Калисингха.

– Что-о?! – Волчица вскочила на ноги, шерсть на ее загривке вздыбилась.

– В Индию ехать не придется, – торопливо добавил Василий. – Этот раджа здесь неподалеку окопался. Думаю, будет не трудно...

– Думаешь?! – взревела в ярости волчица. – Задницей ты думаешь!

– Ева, не нервничай. Я знаю его адрес и...

– Адрес его, олух, известен и мне! Но знаешь ли ты, кто таков раджа Калисингх?!

– Догадываюсь. Подумаешь, делов...

– Ни черта ты не догадываешься, пентюх!

Царевич гордо выпрямился в седле.

– Довольно, Ева. Я не намерен более терпеть вашего хамства. Если вам угодно вести себя, как базарная баба, подыщите себе другого собеседника. Спасибо вам за компанию,

однако в данный момент, полагаю, наши пути разойдутся.

Волчица, опешив, присела на задние лапы.

– Вась, ты что? Я же...

– Хватит, – надменно первал ее царевич. – Конечно, я па-
рень простецкий, но всему есть предел.

– Вась, я же хотела предостеречь...

– Позвольте заметить, Ева, что вы самая грубая и неотесанная волчица из всех моих знакомых волчиц. – Тут Василий не выдержал и рассмеялся. – Ева, если б ты только видела, какая у тебя сейчас морда!

Жёлтые глаза волчицы сверкнули.

– Ах, так?.. Так, да?

Гарцуя на коне, царевич сказал:

– Теперь слушай сюда. Если я правильно понял, ражда
Калисингх – тот самый урод, который дважды посещал нас
по ночам.

– И вправду догадался, – буркнула волчица.

– Ева, думай обо мне, что хочешь, но я не осёл. Этот ра-
джа могучий колдун, и ты, судя по всему, с ним уже сталки-
валась, не так ли?

– Да. И не огорчусь, если он сдохнет.

– Легко поверить. Когда-нибудь ты обо всём мне расска-
жешь. А теперь к делу. Поскольку этот хмырь дважды искал
со мною встречи, думаю... Бог троицу любит. Пора нанести
ему ответный визит. Убью мерзавца и заберу шкатулку. Что
называется, приятное с полезным.

Волчица мрачно спросила:

– Что тебе известно о шкатулке? Сёгун сказал что-нибудь?
Василий покачал головой.

– Ни словечка. Но я и не допытывался.

– А зря. Шкатулка эта волшебная. Если, к примеру, положить в нее монету, вытащишь три монеты. Положишь три – вытащишь девять. Положишь девять...

– Остановись, Ева, – улыбнулся царевич, – ты завалишь нас деньгами. Нетрудно сообразить, что Митагава-сан куска мимо рта не пронесет. Значит, делаем так. Ты ждешь здесь, а я разыскиваю дом раджи, изучаю диспозицию и, дождав-шись ночи, проникаю...

– Чёрта с два! – перебила волчица. – На сей раз ты послушаешь меня, олух!.. – Она вдруг запнулась, опустила морду и произнесла елеиным голосом: – Ах, извините, мой повелитель! Только заботой о вашей драгоценной жизни объясняется мой неподобающе дерзкий тон. Впредь клянусь быть сдержанной и не сотрясать воздух бранью, за которую следовало бы вырвать мой гадкий язык...

– Ева, прекрати! – рассмеялся Василий.

– Отчего же, мой повелитель? Коль скоро вам было угодно в обращении со мной, с диким лесным зверем, избрать столь высокий стиль, я должна...

– Вот же язва!

– ...оказаться на уровне. Ибо мне было бы весьма огорчи-тельно выглядеть самой неотесанной среди ваших знакомых

волчиц.

Соскочив с коня, Василий опустился перед волчицей на корточки и заглянул в ее жёлтые глаза.

– Ева, ты что, шуток не понимаешь?

Волчица отвернула морду.

– Не называй меня Евой.

– Ну хочешь, кусни меня за нос и забудем?

После короткого молчания волчица сказала:

– Во-первых, я иду с тобой. Во-вторых, нам нельзя ждать ночи. С наступлением темноты могущество раджи Калисингха возрастает многократно. Придется действовать немедленно, пока солнце не село. И, в-третьих, нужно срочно добыть горсть соли.

– Какой еще соли?

– Самой обычной, которую в пищу кладут. Швырнешь эту соль колдуну в лицо – и на некоторое время он потеряет силу. Ясно? Тогда вперед.

Они отправились разыскивать логово индийского колдуна. В одной из лавчонок царевич купил кулечек соли и положил в карман. Солнце меж тем едва перевалило за полдень, так что до темноты было еще далеко. Но, когда на городской окраине показался мрачный ветхий домишко, вокруг словно сгустились сумерки и жара ощутимо спала. Хоть на небе по-прежнему светило солнце, по мере приближения к жилищу раджи Калисингха становилось все темней и холодней. Не видно было ни людей, ни птиц, ни даже насекомых. Конь

царевича начал вдруг взбрыкивать, затем упёрся и, несмотря на понукания, не сделал далее ни шагу.

– Похоже, приехали, – сказал царевич.

– Можешь не сомневаться, – подтвердила волчица. – Привяжи коня здесь. Достань соль и держи наготове.

Выполнив её указания, царевич спросил:

– Что дальше?

– Идём к дому, – тихо распорядилась волчица. – Он встретит нас у порога и начнёт строить насмешки. Не обращай внимания, не говори ни слова. Швырни в него соль, но не всю, а только часть. Он завопит и отскочит. Мы зайдём внутрь, там увидишь стол, а на нем – хрустальный шар и янтарную шкатулку. Не медля разбей шар, раджа с криком бросится на тебя. Тогда швырнешь в него оставшуюся соль и отрубишь мечом голову. Вот и все. Он не оживет. Берем шкатулку и уходим.

– Именно в такой последовательности?

– Да, это очень важно. Повтори, как запомнил.

Василий точно всё повторил. Волчица кивнула, и они двинулись к дому колдуна. Неподалёку от двери из кустов вынырнула вдруг скрюченная фигура в сером балахоне с капюшоном, надвинутым на лицо. Заступив им дорогу, эта жутковатая личность замахала на них руками и зашипела:

– Проч-ч-чь! Кыш-ш-шь! Унич-ч-чтож-ж-жу!

Царевич взялся за меч, но волчица его опередила: она прыгнула, целясь клыками в глотку противника. Однако фи-

гура дернулась вбок, и в зубах волчицы остался лишь балахон. Под балахоном было пусто.

Тут на кусте появился громадный черный ворон и скрипуче захохотал:

– Милости пр-р-росим, гости дор-р-рогие!

Василий запустил в него камнем. Продолжая хохотать, ворон метнулся прочь. Сзади у него извивался змеиный хвост.

Царевич и волчица приблизились к двери дома.

Дверь распахнулась. На пороге стоял раджа Калисингх всё в тех же пёстрых одеяниях и в чалме, и взгляд его источал ту же злобу. Только на сей раз колдун не парил в воздухе, прозрачный, как призрак, а явился во плоти. И тонкие губы его, как прежде, змеились в ухмылке.

– Милости просим, гости дорогие, – повторил раджа приветствие ворона, и голос его прозвучал столь же скрипуче. – Уж и не надеялся вас дождаться, зато уйдёте, думаю, вы очень не скоро.

Напружинившись, волчица глухо зарычала. Раджа мерзко захихикал.

– Какой темперамент, милая! Какая страсть! – проскрипел он. – Ладно, с тобой потом. Сперва разберусь с этим, – кивнул он на царевича, – нахальным выскочкой из тьмутаракани. Он у меня точно кость в горле. Вишь, булавку свою выставил: одолеть меня надеется, слизняк.

Сжимая в правой руке меч, Василий вынул из кармана левую руку с зажатой в горсти солью.

– Не медли! – крикнула волчица.

Царевич швырнул соль в раджу, но тот проворно юркнул внутрь дома без малейшего для себя вреда. Чертыхнувшись, царевич собрал в горсть оставшуюся соль.

– Не упусти гада! – Волчица прыгнула через порог.

Вбежав вслед за ней в дом, Василий увидел, на столе янтарную шкатулку и хрустальный шар, излучающий синий мерцающий свет. Шар был столь красив, что царевич невольно залюбовался, потеряв на этом несколько мгновений. Когда он набрался решимости разбить шар мечом, рука ему уже не повиновалась.

За спиной раздался торжествующий хохот колдуна. Комнату освещали черные свечи, и в их трепещущем пламени Василий разглядел оскаленную волчицу, застывшую, словно чучело.

Царевич попытался приблизиться к хрустальному шару, чтобы разбить его о каменный пол, однако ноги точно приросли к месту: царевич не мог сделать ни шагу. Пальцы его сами собой разжались, меч выпал. Тело Василия начало холодеть, будто обращаясь в мрамор. Лишь левая рука, сжимавшая соль, оставалась живой и подвижной, но проку от нее было мало: бормочущий заклинания раджа предусмотрительно держался справа. Лишь когда царевичу стало совсем худо и почти весь он превратился в изваяние, колдун решил приблизиться на шаг.

– Ну что, сопляк, – прошипел он, пнув лежащий на по-

ду меч, – помогла тебе твоя булавка?! Никто в мире меня не одолеет, никто не встанет поперек пути!

Эта кичливая речь была его ошибкой. Колдуна подвела самоуверенность. Пока он красовался перед царевичем, волчица стряхнула чары и прыгнула на врага. Раджа проворно метнулся вбок. Но, уклонившись от клыков зверя, он попал под левую руку царевичу, и на сей раз Василий не оплошал. Ни мало не мешкая, он швырнул соль колдуну в рожу. Завопив, как ошпаренный, раджа Калисингх завертелся волчком. И царевич мигом вышел из-под власти колдовства. Он расправил плечи и наклонился за мечом. Но визжащий от боли раджа также бросился к мечу. Тут Василий от души захватил кулаком колдуну в челюсть. Раджу от удара точно ветром сдуло. Он пролетел над столом, исхитрившись, однако, прихватить хрустальный шар, пробил оконное стекло и выпал наружу.

По комнате прошелестел сквозняк, который мгновенно задул черные свечи. В разбитое окно заглянуло заходящее солнце, и послышалось стрекотанье кузнечиков.

Подбежав к окну, волчица встала на задние лапы и выглянула.

– Исчез! – прорычала она. – Слиял, гад!

Царевич сунул меч в ножны.

– Однако дело сделано.

– Наполовину, – возразила волчица. – Мы не должны были его упускать.

– Ничего, – отмахнулся Василий, – еще встретимся.

Волчица бросила на него тревожный взгляд.

– Боюсь, ты прав. Бери шкатулку и сматываемся.

Выйдя за дверь, они заметили, что сумрак вокруг рассеялся и с деревьев доносилось пение птиц. Садясь на коня, царевич сказал:

– Спасибо, Ева. Впервые я тебя послушался, и всё получилось почти как надо.

– Вот именно «почти», – хмуро подчеркнула волчица. – Что за блажь называть меня Евой? Слышать не могу.

Василий развел руками.

– Извини, привычка.

Не успело солнце сползти за горизонт, как они оказались у дома сёгуна Митагавы. Сёгун и двенадцать его самураев гурьбой высыпали на крыльцо. Их изумленные взгляды перепархивали с янтарной шкатулки в руках царевича на огромную волчицу у ног его коня. Митагава-сан не в состоянии был произнести ни слова – лишь приоткрыл рот и тут же закрыл. Последней на крыльцо вышла прелестная Кусика и, увидев царевича с янтарной шкатулкой, выразила общее настроение возгласом:

– О, Василий-сан!

Соскочив с коня, Василий подошел к сёгуну и с поклоном вручил шкатулку.

– Надеюсь, ты доволен, Митагава-сан?

Сёгун кивнул.

– Если это не подделка.

Щёки его дочери вспыхнули от стыда.

Василий-царевич схватился за меч.

– Что-о?!

Глядя на сёгуна жёлтыми глазами, волчица обнажила клыки.

Сёгун, прижав шкатулку к груди, взглянул на самураев. Самураи осуждающе смотрели в землю.

– Шучу, – сказал сёгун. – Видно сразу, она настоящая.

Волчица спрятала клыки.

Царевич убрал руку от рукояти меча.

– Вот и ладушки. Но впредь, Митагава-сан... учти, таких шуток я не люблю. Состоялось ли сватовство?

Сёгун помедлил с ответом.

– Может, всё-таки сам на ней женишься? – неуверенно предложил он. Волчица вновь оскалила пасть. – Ну хорошо, хорошо! Спросить нельзя? – поспешно согласился Митагава. – Кусика, придется тебе выйти за этого хлюс... за императора Лао Ван Мина.

Не умея скрыть радость, девушка поклонилась.

– Повинуюсь твоей воле, отец.

Самураи переглянулись и заулыбались.

– Повинуется она, – проворчал сёгун. – Вертихвостка.

Пользуясь моментом, Василий уточнил:

– Когда мы, сможем отправляться в Китай?

– Утром. – Сёгун погладил дочь по голове, стараясь не ис-

портить замысловатую причёску. – Я соберу вас в дорогу и дам в сопровождение семь самураев.

– Зачем сопровождение? – запротестовал Василий. – Я сам смогу запросто...

– Знаю, что сможешь! – притопнул ногой сёгун. – Моя дочь знатного рода, и она отправится с подобающим сопровождением. Переночуешь в моём доме, Василий-сан. О коне твоём слуги позаботятся, а волку твоему придется здесь обождать. Волка я в дом не пущу.

Взглянув на царевича, волчица чуть заметно кивнула. Но царевич гневно посмотрел на сёгуна.

– В таком случае, Митагава-сан, и я в твоём доме не останюсь. Я заеду за Кусикой утром.

– Но, Василий-сан, не могу же я впустить...

– Митагава-сан, мой волк будет ночевать со мной.

Переглянувшись с самураями, сёгун обреченно вздохнул.

– Ладно, будь моим гостем вместе с волком.

Коня царевича поместили в конюшню, где щедро насыпали ему овса. А самому Василию с волчицей, накормив их и напоив, отвели отдельную комнату. При этом царевичу, по японскому обычаю, постелили на полу, где он моментально уснул как убитый.

Пробудился он ранним утром от мерного звона в голове. Открыв глаза, Василий помассировал себе виски. Звон, однако, не прекращался: он исходил из глубины дома. Солнце из окна освещало волчицу, насторожившую в недоумении

уши. Царевич поинтересовался, зевнув:

– Кузня у них тут, что ли, работает?

– Бог его знает, – отозвалась волчица. – С самого рассвета стоит этот тарарам. Здоров же ты дрыхнуть.

– Ещё проспал бы столько же. – Потянувшись, Василий встал и оделся. – Пошли, – сказал он, открывая дверь, – посмотрим, что там за дела.

Обойдя добрую половину дома, в одной из комнат они обнаружили наконец источник этого непрерывного звона. Сёгун Митагава, одетый лишь в подштаники, восседал возле кучи золотых монет, держа на коленях янтарную шкатулку раджи. Глаза его алчно горели, волосы слиплись от пота. Сёгун бросал в шкатулку монеты и вытаскивал, бормоча: «Из одной – три. Из трех – девять. Из девяти – двадцать семь». На этой цифре он ссыпал содержимое шкатулку в общую кучу, затем брал монету и начинал всё сначала: «Из одной – три. Из трёх – девять...» Взмыленные самураи наполняли монетами мешки и волокли их в закрома. Но, несмотря на то, что все двенадцать воинов носились туда-сюда как ошпаренные, куча золота стараниями их господина заметно росла.

– Бог в помощь, – скрывая усмешку, пожелал Василий.

Смахнув со лба пот, сёгун нежно погладил шкатулку.

– Клянусь Буддой, она самая настоящая.

Волчица фыркнула. Сёгун настороженно на нее взглянул, но, ничего подозрительного не заметив, милостиво махнул

рукой.

– Ладно, после завтрака можете отправляться в Китай: дочь готова. Но только... уж извини, Василий-сан, самураев я с вами не пошлю. Без них мне тут не управиться.

Царевич едва сдерживал смех.

– Ну что ж, таскать вам – не перетаскать.

Сёгун удовлетворенно кивнул и возобновил добычу золота из янтарной шкатулки.

Завтраком, однако, их накормили. Затем вывели осёдланного коня царевича и еще одного для невесты китайского императора. Кусика была одета в дорожное кимоно, тщательно причесана и выглядела счастливой. Усадив дочь в седло и простившись, сёгун посетовал:

– Жаль, Василий-сан, что не ты на ней женишься.

Волчица угрожающе обнажила клыки.

– О-о-о! – с грустью произнесли стоящие на крыльце самураи.

Царевич вскочил на коня.

– О чем жалеть, Митагава-сан? Кусика сделала выбор.

Девушка лукаво потупила взор.

– Воля отца – для меня закон.

– Вертихвостка, – проворчал сёгун. – Я приеду к тебе на свадьбу. – И Василий-царевич с Кусикой в сопровождении волчицы отправились в Китай.

Лето было в разгаре. Погода стояла теплая да сухая, и путешествовать верхом было одно удовольствие. Кусика, ис-

тинная дочь воина, превосходно держалась в седле, была неприхотлива в еде и без труда переносила ночлег под открытым небом. К тому же дочь сёгуна была приятной собеседницей, и дорога в Китай промелькнула незаметно.

– Быстро мы доехали, – удивился Василий, когда в дали показался императорский дворец. – Даже разбойники не напали.

Скакавшая рядом Кусика засмеялась.

– Напали бы разбойники, ты бы отбился, Василий-сан. И я бы в сторонке не стояла.

– Такая ты бесстрашная? – улыбнулся царевич. – Ничего не боишься?

Приблизившись к нему девушка прошептала:

– Боюсь. – Она кивнула на бежавшую в отдалении волчицу. – Зверя твоего очень боюсь.

Василий воззрился на нее в недоумении.

– Кого – Еву? Ну, ты даешь!

– Ненавидит она меня. – Кусика с опаской поглядывала на волчицу. – Кажется, на клочки растерзать готова.

– Чепуха, – отмахнулся царевич. – С чего бы ей тебя ненавидеть?

Вскоре они подъехали к императорскому дворцу. И тут Василия ждал сюрприз. Стражники, разодетые в пух и прах, по обоим сторонам ворот выстроились в почетном карауле. Копья в их руках украшены были разноцветными лентами. За дворцовой стеной звучала музыка. А в воротах стоял сам

император Лао Ван Мин, одетый на сей раз так, как подобает августейшему жениху. И черные глаза императора сверкали слезами радости.

– Что это всё значит? – изумился Василий.

– Мой любимый нас встречает, – ответила Кусика, также глотая слёзы.

– Но как, чёрт возьми, он узнал?

– О, Василий-сан! Моему Лао триста лет, и он мудр, как сам Будда. Он исчисляет судьбы по звездам и многие события знает наперед.

– Поди ж ты! – пробормотал царевич. – Не скучно ли ему на этом свете?

Тут они подъехали к пестрому коридору, образованному стражниками. Василий-царевич соскочил с коня и помог спешиться Кусике. Между украшенных копий они пошли к воротам. Император Лао двинулся им навстречу. Порозовевшая от волнения Кусика ускорила шаг. Они с Властелином Поднебесной протянули друг другу обе руки и соприкоснулись кончиками пальцев. Музыка смолкла.

Глядя в глаза девушки, император произнес:

*Ночью срывает ветер
листья с большого клёна.*

И Кусика тихо продолжила:

Но, как почтовый голубь,

к другу спешит луна.

Они замерли, улыбаясь. Затем обернулись к царевичу.

– Вася, – сказал император, – я твой должник по гроб жизни.

– Пустяки, – смутился царевич. – Налей мне целебной воды – и я поехал.

– О нет, Василий-сан! – воскликнула Кусика.

– Только не сейчас! – поддержал невесту император. – Завтра поедешь. А сегодня отдохнешь у меня в гостях.

Василий вздохнул.

– Не спокойно мне как-то. Кошки на душе скребут.

Император покачал головой.

– В твоих проблемах, друг, этот день ничего не изменит. Можешь мне поверить.

И Кусика горячо поддержала:

– Послушайся его, Василий-сан. Он все знает.

Глядя на нее, император улыбнулся.

– Далеко не все. Однако... Не спорь со мной, Вася. Пойдем. – Он посмотрел на волчицу. – Вас, Ева, разумеется, я тоже приглашаю. Окажите мне честь. Если только вы не погнушаетесь обществом старого хитрого лиса, который за одно мгновение купит вас и продаст десять раз.

Жёлтые глаза волчицы часто заморгали, и выражение ее морды было просто неопишимо.

Василий обалдело пробормотал:

– Как ты, чёрт возьми, обо всем этом...

– У старого лиса свои секреты. – Юное лицо императоры искрилось весельем. Кивнув на Василия, он подмигнул волчице. – И советов дельных он не слушает, и в кухне французской ни фига не понимает. Не беда, Ева: это поправимо.

Теперь волчица, даже если б и позволила себе заговорить, все равно бы не смогла: она буквально онемела. Впрочем, император и не ждал от нее речей, он вновь обратил взор на свою невесту.

– Похоже, я их убедил.

– О да, мой господин! – просияла девушка и продекламировала:

*Песнь оборвал кузнечик,
чувствуя в сердце осень.*

А император Лао закончил:

*Видно, ему кукушка
ночью опять лгала.*

Кусика в восторге захлопала в ладоши. Затем жених с невестой, взявшись за руки, неторопливо пошли к воротам. Василий и волчица, совершенно сбитые с толку, направились следом за ними. Вновь заиграла музыка.

Для усталых путников в императорском дворце были приготовлены ароматические ванны. После купания прелест-

ная Кусика, едва прикоснувшись к изысканным кушаньям, заснула в отведенных для нее покоях. Волчицу, несмотря на протесты царевича, тоже поместили в отдельных покоях, где она, хоть и без купания, зато после сытного ужина, улеглась на роскошных коврах. А император Лао и Василий-царевич, попивая душистое вино, предавались беседе, которой не видно было конца.

– Правитель должен опираться на ученых людей, – горячился царевич. – А всякое там колдовство, магия и прочая дребедень... Наука с этим вот-вот разберется.

– Если и разберется, то не вот-вот, – возражал император. – Быть может, наука и магия – лишь две стороны одной монеты.

– Ерунда, – отмахивался царевич. – Недавно я прочел одну книжицу, где дается подробный анализ...

Некоторое время спустя Лао с жаром убеждал друга Васю: – В деле войны на первое место следует ставить подготовку и снаряжение армии. На второе – искусство полководца. На третье – господин Случай. А что касается личной доблести и героизма...

– Не скажи! – стучал кулаком по столу Вася. – Как посмотреть!

– Уж поверь, – настаивал Лао. – Вот послушай историю, которая произошла с моим воинственным дедом...

Заснули они лишь после вторых петухов.

А на рассвете император Лао и Кусика вышли проводить

Василия за ворота. Вручая другу серебряный кувшин, император напутствовал:

– Езжай спокойно! Вода не испортится. Накапаешь отцу пять капель. Натощак, желательно...

Тем временем Кусика с опаской приблизилась к волчице и тихо спросила:

– Ты на меня еще сердишься?

Волчица молча смотрела на нее жёлтыми глазами.

Девушка робко присела перед ней на корточки.

– Ты меня не укусишь?

– Надо больно, – буркнула волчица.

Порывисто обняв ее за шею, Кусика шепнула:

– Держись. Лао сказал: осталось немного.

Волчица лизнула ее в нос.

– Ступай, дуреха. Тебя жених ждет. – С этими словами она помчалась за отъезжающим царевичем.

Взяв Кусику за руку, император Лао прокричал им вслед:

– Я пришлю гонцов с приглашением на свадьбу!

– Приеду с подарками! – отозвался Василий, погоняя коня.

Волчица бежала рядом. Царевич хотел было обменяться с ней впечатлениями об императорском саде, однако она отвернула морду. Удивленный Василий поинтересовался, какая муха ее укусила, но волчица и на сей раз не ответила. Она легко бежала у ног коня, храня угрюмое молчание. Все усилия царевича втянуть её в разговор оказались тщетными.

Когда дворец китайского императора остался далеко позади, волчица вдруг прорычала:

– Стой!

Царевич притормозил.

– Что еще такое?

Волчица ощерилась.

– Слезай, бери меч – сражаться будем!

– Ага, щас! – Царевич покрутил пальцем у виска. – Ева, у тебя совсем крыша поехала?

– Ты обещал мне, фехтовальщик!

– Чёрта с два! Я обещал сражаться, когда вернусь домой и вообще... Не буду я с тобой сражаться. Даже не заикайся.

– Как это? – растерялась волчица.

Царевич подбоченился на коне.

– А вот так это! Я не стану потворствовать твоим закидонам!

– Но ведь ты обещал! Значит, нарушишь свое слово?!

– Запросто!

– И как же ты после этого в глаза мне...

– Легко!

Волчица вздыбила загривок.

– Ты трус! Жалкий трус!

– Ага! – Показав ей язык, Василий пустил коня вскачь.

Присев на задние лапы, волчица чуть подумала, тряхнула мохматой головой и понеслась вдогонку.

И вновь она бежала рядом с конем царевича, не вступая

в разговор и не отвечая ни на какие вопросы. Лишь когда стемнело и Василий, готовясь к ночлегу, развел в лесу костер, волчица деловито предложила:

– Спи, я покараулю.

Царевич внимательно на нее посмотрел.

– Думаешь? Раджа нападет?

Волчица фыркнула.

– Не думаю, Вася, а знаю. Поэтому спи, держа меч. И, когда я тебя разбуду, руби, не мешкая. Чуть промедлишь – Калисингх наведет на тебя такой паралич... В общем, что объяснить? Ведь ты уже испытал.

Царевича передернуло.

– Да уж... Будь спокойна, Ева, врасплох он меня не застанет.

– Вот и хорошо. Спи. – Волчица прилегла у костра, чутко поводя ушами.

Василий прилег на плащ и моментально заснул как убитый. Ну, еще бы! Они с императором Лао протрепались всю прошедшую ночь напропалую. Когда ж было выспаться?

В кронах деревьев шелестел ветер, уютно потрескивал костёр. Василию привиделся полупрозрачный раджа Калисингх, с ухмылкой выползающий из императорского кувшина. «Сейчас, – хихикнул раджа, – омолодим твоего папашу!» Царевич схватил меч. «Сдохни, гадина!» – Он рубанул колдуна по шее. Потом еще раз и еще...

Василий пробудился, ощущая себя стоящим на ногах.

В руке его был меч.

– Сдохни, гадина! Сдохни! – услышал он собственный голос, а рука продолжала рубить раджу.

Тут он очнулся окончательно. Костёр почти догорел, светились лишь угли. С меча капала кровь, а у ног Василия... у его ног межала изрубленная волчица.

– Боже правый... Ева! – Меч выпал из руки царевича, ноги его подкосились, и он рухнул на колени, обнимая мертвого зверя. – Как же это?... Ева... Что я натворил?

Внезапно ему померещилось, что волчица шевельнулась. Царевич отпрянул. По шерсти волчицы точно ветерок прошёл, тело ее вдруг вспыхнуло ослепительным светом. Василий невольно прикрыл рукой глаза, и в этот момент чей-то серебристый голосок произнес:

– Не называй меня Евой! Сколько раз тебе... – тут голос запнулся.

Царевич открыл глаза.

Перед ним, на волчьей шкуре, сидела девушка. При свете зари ее густые волосы до плеч отливали золотом, а глаза... глаза синели, как небо. И была девушка так прекрасна, что прямо дух захватывало.

– Ох! – только и вымолвил Василий.

Девушка недоверчиво себя оглядела.

– Неужели получилось? – обрадовалась она, вставая на ноги. Одета она была своеобразно: светлое платье с коротким рукавом дюймов на десять не доходило ей до колен. На ногах

девушки красовались туфельки на высоком каблучке, а ее голые ноги были такими потрясными, что...

Василий смущенно отвел взгляд.

– Странное, однако, одеяние, – буркнул он.

Девушка развела руками.

– В Европе такая мода. – Она поправила рукой волосы. –

И ни одного зеркала за сто верст!

Набравшись храбрости, царевич окинул ее взглядом.

– Не холодно? – спросил он.

– Слава Богу, лето, – отмахнулась девушка. – В чем была, в том и заколдовал, козёл!

– Раджа? – уточнил Василий.

– Он, подонок!

– Так и думал. Я давно догадался, что ты заколдована.

Девушка присела к Василию на плащ и положила голову на его плечо.

– Знаю, что догадался. Мне так хотелось все тебе рассказать... Но тогда бы я до конца своих дней осталась в облике волчицы.

Царевич ободряюще ее обнял.

– Расскажи сейчас, если не трудно.

– Ничуть, милый. Я была манекенщицей, работала в Париже. И однажды...

– Что такое манекенщица?

– Ну, как тебе объяснить?.. Профессия, вроде, такая. Прохаживаться перед публикой в разных платьях, чтоб дамы

знали, чему подражать. В этом деле я была, без похвальбы, лучшей. Кстати, – отстранившись от Василия, девушка посмотрела ему в глаза, – ты даже не спросил, как меня зовут.

– Прости, – смутился царевич, – я так оболдел, что... Как тебя зовут?

– Ева, – хихикнула девушка.

– Что ж ты тогда...

– Ну знаешь! Если б тебя превратили в волка и звали при этом Васей...

– Понял. Рассказывай дальше.

Ева вновь прижалась к его плечу.

– Однажды этот урод, раджа Калисингх, увидел меня на подиуме и втюрился по уши. Слал мне корзины роз, осыпал бриллиантами и устраивал фонтаны из шампанского. Вино такое, шипучее.

– Знаю. Продолжай.

– Короче, у него совсем чердак съехал. Выходи, говорит, за меня замуж. Я ответила: ха! ха! ха!.. Кстати, фехтовальщик, ты собираешься на мне жениться?

– Разумеется. Приедем – и сразу под венец. Продолжай.

– В общем, раджа заявил мне, что отказа не потерпит. А я говорю: пошел ты... чурка! В то время я еще не знала, что он собой представляет. Тем более, что я и сама немножко ведьма. Думала, отошью его...

– Погоди. Что значит «немножко ведьма»?

– Вась, немножко значит немножко. Не бери в голову:

я хорошая.

Царевич улыбнулся.

– Не сомневаюсь. Продолжай.

Ева чмокнула его в щёку и с возмущением произнесла:

– В итоге этот кобель поставил мне ультиматум: либо я лягу с ним в койку, либо...

– Что-о?! – взревел Василий. – Да я этого гада!.. Ох, он мне еще попадетсЯ!

– Успокойся, милый. Я послала его, знаешь, куда?

– Куда?! Мне жутко интересно!

– Сядь, пожалуйста. Царскому сыну таких слов слушать не полагается.

– Чепуха! Я еще похлеще слова знаю!

– Значит, сам догадаешься, куда я его направила. – Ева погладила Василия по щеке и вздохнула. – Только вышло мне это боком. Однажды, на презентации новой коллекции, этот скунс подсыпал в мое вино какой-то порошок. Стоило мне лишь глотнуть, как я превратилась в волчицу. Видел бы ты его самодовольную рожу! «Ходить тебе в этом облике, – проворкотал он мне на ухо, – пока тот, кого ты полюбишь, не зарубит тебя мечом. Но, если ты поведаешь ему о моем заклятье, останешься зверем до конца дней своих». А затем – представь, каков мерзавец! – как вдруг заорет: «Полиция! Полиция! Здесь волки!» Еле ноги унесла. И с тех пор по лесам скиталась.

Василий обнял ее и прижал к груди.

– Клянусь, он за это заплатит!

Ева всхлипнула.

– Вот такое было заклятье. А ты, задница, не хотел со мной сражаться.

Царевич задумчиво на нее посмотрел.

– Интересно, а если б я был волком... ты смогла бы меня зарубить?

– Да, – кивнула Ева, – когда ты всю дорогу пялился на эту Кусику.

Они рассмеялись и поцеловались.

Когда солнце показалось над верхушками деревьев, Василий посадил Еву впереди себя на коня и отправился в путь.

– Домой? – улыбнулась Ева.

Царевич покачал головой.

– Сперва за братьями.

Ева нахмурилась.

– Ох, не нравится мне это.

Царевич показал ей большой палец.

– Они вот такие ребята!

– Что-то сомневаюсь.

– Брось. Когда вы познакомитесь, твои сомнения развеются.

И они поскакали обратно, к замшелому камню на перекрестке дорог.

Тем временем братья дожидались решения своей участи, надеясь на благоприятные перемены в судьбе. И Бертольд,

скуки ради, из трактира забрел в игорный дом навестить Арнольда. За чаркой вина они стали изливать друг другу душу.

– До чего обрыдло, – жаловался брату Арнольд. Он сильно похудел и потому выглядел еще более долговязым. – Сидишь тут, ждешь... только и развлечений, что мух на стене давить.

Бертольд сочувственно закивал. В отличие от старшего брата он значительно поправился и лоснился, как сытый поросенок.

– Трескать мне подгорелое жаркое! – вздохнул он. – Не жизнь, а каторга!

Братья сидели в комнате Арнольда за столом, уставленным снедью, и вино лилось у них рекой.

– Тебе-то грех жаловаться, – с укором произнес Арнольд. – Стряпаешь там свои гениальные супы...

– Ну да, гениальные! – сердито перебил Бертольд. – Васька попробовал да сплюнул! Соли, говорит, не хватает, а специй чересчур! Это он – мне!

– Так и заявил? – изобразил возмущение Арнольд.

Бертольд ударил себя в грудь.

– Глотать мне фасоль без подливы! Но ты-то, брат, чем не доволен? Живешь на всем готовом. Ешь, пьешь – все оплачено...

– Оплачено, говоришь?! – подскочил на стуле Арнольд. – А известно ли тебе, что Васька распорядился выдавать мне на игру червонец в неделю и ни копейки больше?

– Да ну?! – изумился Бертольд. – Тебе же этот червонец –

просто тьфу!

– А я о чём?! Я ему прямо в глаза сказал: «Ну, стервец! Ты у меня дождёшься!»

– А он?

– Повернулся ко мне жопой и слинял!

Очевидно, братья долго еще могли бы вспоминать свои обиды, но внезапно в их запертой комнате, прямо из воздуха, появился какой-то тип в пестром одеянии и с чалмой на здоровенной башке. В одной руке он держал хрустальный шар, в другой – бутылку вина. И лицо его выражало такую лютую злобу, что у обеих царевичей сердца ушли в пятки.

– Приятно сознавать, господа, – сказал он с гадкой ухмылкой, – что у нас с вами общий враг. Но будьте уверены, с вашей помощью я завтра же с ним разделаюсь.

Арнольд пролепетал:

– Э-э... то есть, в смысле...

– А-а... чтоб меня! – прокашлялся Бертольд.

Однако жуткий незнакомец прервал их красноречие.

– Буду краток, – проскрипел он. – Завтра вечером ваш братец придет за вами и войдет сюда. – Незнакомец топнул ногой, как бы указав место. – Вы угостите его этим винцом. Достаточно ему сделать глоток – и все будет кончено. Один из вас сядет на царство, другого я озолочу. А фифу его заберу себе. По-моему, сделка для вас неплохая. – Он поставил вино на стол. – Берегите эту бутылку. Пить из нее не рекомендую.

Толстяк Бертольд, белый как полотно, чуть привстал.

– Разрази меня гром, если я хоть что-то...

– Сидеть! – Тип в чалме тряхнул в сторону Бертольда кистью руки. Из его пальцев вылетели искры и вонзились в грудь среднего брата.

Вскрикнув Бертольд плюхнулся на стул.

Арнольд глянул на него в упор и сказал:

– Ешь рябчика, Берт, и не вякай. – Затем перевел взгляд на незнакомца. – Ваше предложение весьма заманчиво. Мы сделаем всё как надо.

– Не сомневаюсь. Однако, на всякий случай, предупреждаю: попытаетесь меня надуть – из-под земли достану. Здесь, – он ткнул пальцем в хрустальный шар, – вы у меня как на ладони.

– Надувать вас никто не собирается, – надменно заявил Арнольд. – Этот братец нам давно уж... – Он похлопал себя по загривку. – Можете твёрдо на нас рассчитывать.

Тип в чалме продолжал гадко ухмыляться.

– Надеюсь, что так. Завтра ждите меня здесь. Незадолго до приезда нашего клиента заскочу вас навестить.

– Зачем? – вырвалось у Бертольда.

На сей раз незнакомец его пощадил.

– Чтобы проверить вашу боевую готовность, – ответил урод и начал растворяться в воздухе. – Не вздумайте сбегать.

Последним исчез хрустальный шар.

Братья застыли, уставясь друг на друга.

– Сварить меня в борще! – воскликнул наконец Бертольд. – О какой-такой фифе он молол?

Арнольд молча встал, прошёлся по комнате и уставился в темнеющее окно.

– Серьёзный мужик, – произнёс он задумчиво.

Бертольд опасливо потрогал оставленную незнакомцем бутылку.

– Арик, там отрава?

– Надо думать, не медовуха. – Арнольд подошёл к столу, опёрся о него руками и посмотрел на брата в упор. – Скажи-ка, Берт, если б этот хрен явился к Ваське и предложил... э-э... предложил бы что-то сделать с нами... э-э... Как думаешь, что бы Васька ему ответил?

Бертольд рассмеялся.

– Ничего бы не ответил. Просто порубил бы его на котлеты... – Толстяк резко оборвал смех. – Арик, если ты против Васьки что замыслил, имей в виду: я буду его защищать. Я его в колыбельке качал.

Арнольд схватил брата за грудки.

– У тебя что, мозги салом заплыли?! – заорал он. – Что ты обо мне подумал, кретин?! Я ж вас обоих качал, засранцев!

Бертольд часто заморгал.

– Какого ж ты рожна с этим хмырём...

Арнольд отпустил его рубаху.

– Из тактических соображений, – вздохнул он. – Чтоб вре-

мя выиграть. Очень опасный тип. Но теперь у меня возникла идея.

Бертольд округлил глаза.

– Чтоб меня... Какая идея, Арик?

Арнольд приложил палец к губам и с опаской выглянул за дверь. Не обнаружив ничего подозрительного, он тем не менее изложил свой план брату на ухо. Бертольд в восторге хлопнул себя по ляжке и захихикал.

На следующий день, к вечеру, таинственный урод вновь материализовался из воздуха.

– Ваш младшенький уже на подходе, – возвестил он с улыбкой. – Вы готовы?

Братья, как и накануне, сидели за столом.

– Готовы – не то слово! – заплетающимся языком заверил Арнольд. – Мы ему пасть порвём!

Бертольд икнул.

– Задушу его этими вот руками, жрать мне коровьи лепёшки!

Оба они были пьяны в стельку.

Хмырь в чалме аж зубами заскрежетал.

– Нажрались, канальи! Да я вас за это...

– Умолкни, тупица! – гаркнул Арнольд. – Сказано тебе, мы его сделаем! Но винцом твоим с ним делиться – уж извини... самим не хватит. Такого я отродясь не пробовал.

– Нектар! – закатил глаза Бертольд. – Амброзия!

– Сами всё выпьем. – Арнольд, пошатнувшись едва усидел

на стуле. – А Ваську и так уроем за милую душу! Будь спок!

– Бутылкой по башке – и оттаскивай! – Бертольд вновь икнул. – Ходить мне под себя!

Тут раджа Калисингх (а это разумеется, был именно он) заметил, что его бутылка с колдовским пойлом опустела наполовину. Более того, прямо у него на глазах раскрасневшийся толстяк плеснул из неё себе в стакан и заглотил, жмурясь от удовольствия. И ничего с ним не случилось, просто закусил солёным грибочком.

Раджа застыл, опешив. Из оцепенения его вывел возмущенный рык Арнольда:

– Берт, что за манеры?! Себе наливаешь – а мне?!

– Извини, увлёкся. – Бертольд наклонил бутылку к стакану брата.

Раджа метнулся к нему, как дикий кот.

– Отдай, никчемный пьяница! – завопил он, пытаясь завладеть бутылкой.

– А вот это видал?! – Показав ему кукиш, Бертольд успел передать бутылку брату. – Хлебни, Арик, пока этот жадина не отобрал!

И Арнольд присосался прямо к горлышку.

Обескураженный колдун протянул руку к бутылке.

– Ничего не понимаю... Дай сюда!

Оторвав губы от горлышка, Арнольд спрятал бутылку за спину.

– Слушай, приятель, – заканючил он, оставь, не вредни-

чай. Там всего-то пара глотков.

– Отдай, жалкая мокрица! – заорал раджа и для вящей убедительности пустил в Арнольда небольшую молнию.

Арнольд вскрикнул от боли.

С воплем «Ах ты, ублюдок!» Бертольд швырнул в раджу мочёным яблоком. Не успел раджа отреагировать, как перепуганный Арнольд достал бутылку из-за спины и залопотал, еле выговаривая слова.

– Ну всё, уваж-жаемый, всё. Не будем кони... конфи... конфликтовать...

Злобно сверкая глазами, раджа вырвал у него бутылку и в бешенстве хлебнул из горлышка. Братья обменялись взглядами и замерли в ожидании.

Колдун побагровел и стал раззевать рот, точно рыба на берегу. Затем посинел, задрожал и позеленел. Бутыль и хрустальный шар, выпав из его рук, грохнулись о пол и превратились в груды осколков. У братьев вырвался вздох облегчения.

– Вроде, получилось, – сказал старший.

– Чихать мне горохом, сработало! – воскликнул средний.

– Не прикончить ли нам на радостях этот виноградный сок, Берг?

– С удовольствием, Арик!

Арнольд извлёк из-за шторы точно такую же бутылку и разлил её содержимое по стаканам. Чокнувшись, братья выпили.

Меж тем раджа, лицо которого стало покрываться шерстью, не мог произнести ни звука. Он лишь погрозил кулаком и, сотрясаясь в конвульсиях, опустил на четвереньки. Одежда на нём рассыпалась, тело уменьшилось и вытянулось в длину, причём сзади вырос облезлый хвост. Раджа Калисингх, отведав своего собственного пойла, обратился в громадную крысу с бешеными глазами. Издав пронзительный визг, крыса бросилась на ликующих братьев.

Арнольд и Бертольд в ужасе и отвращении стали бегать от монстра по комнате и наконец забрались ногами на стол. Крыса-раджа в ярости принялась грызть ножку стола, только щепки полетели.

В этот момент в комнату вошли Василий и Ева. Окинув взором представшую перед ними картину, Василий рассмеялся.

– Ну, ребята, вы даёте! Крысы испугались!

Перестав грызть деревяшку, крыса обратила на него налитые кровью глаза.

Ева, в короткой своей юбочке и в туфельках на каблуке, без лишних слов выхватила из ножен Василия меч и разрубила крысу пополам.

– Коз-зёл! – процедила она сквозь зубы, и синие её глаза, казалось, мечут молнии.

С истошным воплем крыса издохла. И тут же начала обратно превращаться в человека. Через несколько мгновений на полу лежал перерубленный по пояс раджа Калисингх. Ли-

цо его было зелёным, будто покрытое мхом, а мёртвые руки вдруг поднялись и, быстро удлинняясь, потянулись к горлу Евы.

– Ещё чего! – Василий выхватил у девушки свой меч и коротким взмахом отрубил колдуну голову. – Теперь мы в расчёте.

Раджа вновь испустил вопль. Затем вспыхнул багровым пламенем и мгновенно сгорел без дыма и пепла.

– Так-то лучше, – вздохнула Ева.

Долговязый Арнольд спрыгнул со стола.

– Похоже, баста.

Но толстяк Бертольд спуститься не решался.

– Думаете, он не оклемается?

Тут дверь распахнулась и на пороге возник владелец игорного дома.

– Што здесь происходит? – Оттопырив губу, он указал на осколки бутылки и хрустального шара, разбросанные по полу. – Я фас дафно предупрещдай... – Перешагнув порог, он вдруг заметил Василия и Еву. – О, кофо я фишу!

Ева сделала книксен.

– Гутен таг.

Владелец расплылся до ушей.

– О, йя, йя! Зер гутен таг! Какой цирлих манирлих! Фаше имя..э-э...

– Денег хватило? – прервал его Василий.

Хозяин согнулся в поклоне.

– О да, хфатило фполне и... э-э... Я не хотеть фам мешай. – С этими словами он устремился восвояси. Однако на пороге обернулся и, указав пальцем на застывшего на столе Бертольда, подмигнул Василию. – Третий сын саря Ифана, – сказал он и удалился, довольный своей шуткой.

Арнольд и Василий прыснули.

– Не понял, – нахмурился Бертольд.

– Слезай, храбрец, познакомься с моей невестой. – Василий обнял Еву за талию. – Вот, позволь тебе представить, дорогая. Эта каланча – мой старший брат Арик. А этот колобок – мой средний брат Берт. Как они меня терпят, ума не приложу.

Девушка вновь сделала книксен.

– Ева.

Ошеломлённые её красотой братья улыбались во весь рот.

Арнольд, щёлкнув каблуками, поцеловал Еву руку.

– Что вы в нём нашли? – кивнул он на Василия. – Плакса и ябеда. К тому же часто писался в постель.

Ева рассмеялась.

Тут Бертольд спустился наконец со стола и ткнул Василия в бок.

– Арик, – сказал он, – за каланчу и колобка надо бы ему навалить. А с вами, – он расцеловал Еву в обе щеки, – мы попросту. Чтоб мне уплетать клубнику с хреном.

– О Боже! – вновь рассмеялась Ева.

Василий с улыбкой вздохнул.

– Вот так и развлекаемся. Но довольно трепаться, пора домой.

Старшие братья переглянулись.

– На чём ехать-то? – буркнул Арнольд. – Ведь карета тю-тю.

– Я двух коней вам купил, – сказал Василий. – Больше ни на что денег не хватило. Помните хоть, где у лошади хвост?

Арнольд нахмурился.

– Ну, Васька!

Бертольд погрозил кулаком.

– Доприкалываешься, хлебать мне уксус!

Василий распахнул дверь.

– Тогда в чём дело? Поехали.

Арнольд неуверенно прокашлялся.

– А воду целебную достал?

– Вот и я хотел спросить, – спохватился Бертольд.

Ева кивнула.

– С водой порядок. Лично подтверждаю.

– Ну, тогда что ж... – успокоился Арнольд.

И они поехали. Василий по-прежнему вёз Еву на своём коне. Арнольд раскачивался в седле, как маятник, а Бертольд – подскакивал, точно резиновый мяч. Однако обратный путь оказался лёгким, и на исходе погожего четверга они спешили у дворца родителя. Стража засуетилась, хлопотала и помчалась докладывать.

Царь Иван встретил сыновей на крыльце, в неизменной

инвалидной коляске. Он ещё более одряхлел и осунулся. По правую руку царя стоял советник Аркадий Кузьмич, плешь которого, будто полированная, отражала заходящее солнце. По левую руку – застыла нянька Алёна, и физиономия её багровела, соперничая с закатом.

– Ну чё, нагулялись? – ехидно осведомился царь, плясь при том на Еву.

Аркадий Кузьмич расплылся в улыбке.

– Милости просим домой. – Он также не сводил с Евы восхищённого взора.

А нянька заохала, запричитала:

– Господи! Отощали-то, отощали! – Но при этом почему-то тоже смотрела на Еву.

Василий выступил вперёд и с гордостью представил:

– Знакомьтесь: Ева – моя невеста.

– Здравствуйте, – улыбнулась Ева.

Ответом ей было молчание.

– Чё-то я не въехал, – произнёс наконец царь Иван, пристально изучая ноги будущей снохи, – нынче, что ли, мода такая?

– Бесстыжие! – подала голос нянька, уставясь в облака.

Василий чуть было не вспылил, но Ева успокоила его взглядом. Походкой манекенщицы она приблизилась к царю.

– Папа, – улыбнулась девушка, разглаживая на себе юбочку, – а вам разве не нравится?

Царь Иван замер, приоткрыв рот. Затем буркнул:

– Кому ж это не понравится? – И хлопнул Еву по заду.

– Чтоб я окривел! – брякнул изумлённый Бертольд.

И все трое братьев прыснули.

Царь попытался нахмуриться.

– Чё ржёте, идиёты? Айда в дом на разборку!

Нянька ввезла государя в зал приёма и помогла пересесть на трон. Все присутствующие, разумеется, распределились согласно рангу. Советник встал по правую руку, нянька – по левую, а сыновья, как говорится, предстали пред царски очи.

Ева уселась в инвалидное кресло, соблазнительно положив ногу на ногу.

Нянька всполошилась:

– Куда?! Ах, ты...

– Цыц! – осадил её царь. – Не сломает небось. Пусть сидит. – Он обратил взор на старших сыновей. – Ну чё? Карету пропили-проиграли, а кучер сбежал? Так или нет?

Арнольд, державший серебряный кувшин, соорил оскорблённую мину.

– Между прочим, отец, мы тебе целебную воду привезли.

Царь Иван отмахнулся.

– Не держи меня за идиёта! Воду, небось, Васька достал. Вон и жену себе какую отхватил! А вы, лоботрясы, груши околачивали! Чё, не так?

Старшие братья опустили глаза.

Советник попробовал вступиться:

– Где доказательства?

– Не встревай, Кузьмич! – прикрикнул на него царь. –
Глянь на их рожи! Васька, к примеру, глаза не прячет!

Арнольд зыркнул на младшего брата.

– Родственничек.

– Краса и гордость семьи, – поддакнул Бертольд. –
Чтоб мне...

– Поогрызайтесь мне тут! – возвысил голос царь Иван. –
Может, вы и в кабаках не гудели?! Может, я не прав?!

Василий прокашлялся и сказал:

– Не только не прав, но и несправедлив.

Воцарилась тишина. Братья изумлённо воззрились на Ва-
силия.

– То есь? – хмуро уточнил царь Иван.

Младший сын смотрел на государя честным взглядом.

– Арик и Берт молчат лишь из скромности. Хочешь знать,
как всё было?

– То есть? – только и сумел повторить царь.

Тут Василий повел рассказ, в котором на их пути вставали разбойники, великаны и колдуны, а также разливались моря и сыпались камни с неба. В этой увлекательной саге, что бы ни происходило, Арик и Берт действовали героически и не единожды спасали жизнь младшему брату Васе. Они и Еву из турецкого плена вызволили, и китайскому императору услугу оказали, за что он с превеликой благодарностью вручил им этот самый кувшин с чудодействен-

ной водой. А что до кучера и кареты... они были потеряны в бою с превосходящими силами противника. И он, Василий, может лишь гордиться такими братьями и стараться быть на них похожим. Вот и всё, если вкратце.

Ева смотрела на Василия во все глаза, будто видела впервые.

Братья придя в себя от обалдения, расправили плечи и соколами взглянули на отца.

Царь Иван, не веря ушам, сверлил младшего сына взглядом.

– Ой, врешь.

Василий ударил себя в грудь.

– Чтоб мне жрать репей без подливы!

Все рассмеялись. Кроме няньки Алёны.

– Ишь оголодало дитё, – всплеснула она руками.

Тут все захохотали пуще прежнего

– Чё-то сомнительно. – Царь кивнул на старших сыновей. – Чтоб эти обалдуи такие дела провернули...

Покачиваясь в инвалидной коляске, Ева лучезарно ему улыбнулась.

– Напрасно вы, папа. Они у вас хорошие.

Царь вздохнул.

– Кто говорит, что плохие. Мои, небось, дети. Ну-ка, подьте сюда! – приказал он Арнольду и Бертольду и, когда те приблизились, растроганно их облобызал.

Но Василий не успокоился на достигнутом.

– Кстати, Ваше Величество, – проговорил он. – Арик и Берг придумали, как пополнить казну. – Василий показал большой палец. – Вот такая идея!

Все посмотрели на него с интересом, а старшие братья с очень даже большим. Царь Иван обратил на них потеплевший взор.

– Ну чё языки проглотили? Выкладывайте.

– Робеют они, батя, – объянил Василий. – Характер у тебя стал, извини, опасный для идей.

Царь подскочил на троне.

– Я те покажу характер! Ох, Васька, схлопочешь ты...

– Не кипятись, Вань, – встрял царский советник. – Казна, вишь, совсем прохудела. Давай послушаем, что у них за проект.

И Василий поспешно изложил:

– Тут во дворце навалом просторных помещений. Арик предлагает организовать казино, а Берг хотел бы открыть фирменный ресторан.

Ошарашенно переглянувшись, братья с трепетом воззрились на отца.

– Васька, ты чё, белены объелся?! – осерчал царь Иван.

– Отец! – умоляюще воскликнул Арнольд.

А Бертольд мечтательно закатил глаза.

– Кухня будет балдёжная.

Царь хлопнул ладонью по своему колену.

– Чёрта с два!

– Вань, – вмешался советник, – по-моему, проект перспективный...

– Кузьмич, иди в жопу!

Тогда Ева встала с инвалидного кресла, подошла к трону и чмокнула царя в морщинистую щёку.

– Папа, ну пожалуйста. Не упрямитесь.

Царь Иван нахмурил брови.

– Ладно, подумаю. Слышь, Кузьмич, ты это... пора бы к омоложению приступить. Чё тянуть-то?

– И то правда. – Советник протянул царю гранёный стакан. – С Богом.

Арнольд вынул затычку из серебряного кувшина.

– Пять капель, – предупредил Василий.

– Чё-о?! – возмутился царь. – Я те дам пять капель! – Выхватив у Арнольда кувшин, он наполнил стакан доверху. – Щас проверим, что у них там за источник.

Но только он поднёс воду с губам, как нянька Алёна выдернула стакан у него из руки и осушила в три глотка.

Все уставились на неё, затаив дыхание.

Нянька вытаращила глаза, будто увидела чёрта. Затем, глупо хихикнув, рухнула в обморок лицом вниз.

Царь держал кувшин, как ядовитую змею.

– Чё вы мне подсунули, идиёты?

Арнольд и Василий бросились к распластавшейся няньке, пытаясь её поднять. Тут опять раздалось хихиканье, только звучало оно как-то иначе.

Нянька поднялась на ноги сама. И лицо её не то что не было разбито... её свекольная физиолономия сделалась молодой и румяной, а на щеках от улыбки появились ямочки. Одежда висела на Алёне мешком, потому что тело её, сильно похудев, стало гибким и стройным. Она протянула царю чудом не разбившийся стакан и приятным грудным голосом объявила:

– Можно. Пей, не отравлено.

Не веря глазам, царь Иван ущипнул её за бок.

– Алён, ты чё... правда, что ли?

Нянька выглядела лет на двадцать и была, что называется спелой вишенкой. Вновь хихикнув, она ударила царя по руке.

– Ну-ну, Ваше Величество. Один секс на уме. – Она снова протянула стакан. – Пей давай. Насквозь прошибает. Почуще твоего заморского вермута.

Царь задорно оттолкнул её руку со стаканом.

– Обойдусь! – Он поднёс к губам кувшин.

– Батя, пять капель! – вскричал Василий.

– Отвали! – Царь Иван стал жадно пить из серебряного кувшина.

Внешность его менялась прямо на глазах. Морщины разгладились, затем исчезли вовсе. В глазах вспухнул удалой огонь, а плечи расправились и налились мощью. Оторвавшись от кувшина, царь перевёл дух, встал с трона и впервые за много лет шагнул своими ногами.

– Ха! – притопнул он, и кафтан треснул на его плечах.
Восхищённые сыновья переглянулись.

Помолодевшая нянька зарделась.

– Ой, Вань!

– Ну чё? – подмигнул ей царь. – Довольна проектом? По-
годы, то ли ещё будет! – Он опять поднёс ко рту кувшин.

Василий рванулся к нему.

– Батя, уймись!

Царь проворно отскочил.

– Отвали, кому сказано! – Он жадно присосался к кувши-
ну. И вскоре из мужчины превратился в юношу.

Советник от волнения плюхнулся на трон.

– Эй, Вань... – попробовал он вмешаться. – Омолодился,
блин. Тормози.

Но Его Величество продолжал пить. И пил до того момен-
та, пока одежда не стала ему велика, ибо из юноши он пре-
вратился в подростка. Тут царь Иван рыгнул, заглянул в кув-
шин и передал его сидящему на троне Аркадию Кузьмичу.

– Почти половина осталась, – сообщил он ломающимся
баском, подтягивая штаны.

Прелестница Алёна пригладила его вихры.

– А худющий-то, худющий!

Царь-подросток стиснул её грудь ладонью.

– Ты чё, шутить со мной вздумала? Я те задам!

Нянька отпрянула, как трепетная лань.

– Но-но, не очень, – пролепетала она. – Ишь разошёлся.

Царь хмыкнул.

– Чё ты скачишь, идиётка? От меня не ускачеешь. – Он вновь потянулся шаловливой ручонкой к нянькиной груди.

Взвизгнув, Алёна кинулась прочь. Царь Иван рванул за ней следом, придерживая спадающие штаны.

Некоторое время в тронном зале висело напряжённое молчание. Сгорбившийся на троне царский советник растерянно почёсывал плешь.

– Ну вот, омолодились, – пробормотал он. – А где решение проблем?

Царь Иван возник в дверях, по-прежнему придерживая штаны.

– Не дрейфь, Кузьмия, перезимуем! – проговорил он подростковым своим баском. – Слышь, мужики, – обратился он к сыновьям, – я тут покумекал насчёт казино и ресторана... Валяйте. Но только, чтоб высшей категории. Усекли?

– Отец! – Обрадовался Арнольд.

– Папаня! – возликовал Бертольд.

И братья пустились в пляс.

Царский советник прижал к груди кувшин китайского императора.

– Вань, а мне можно пару десятков лет сбросить?

Царь подросток кивнул.

– Кузьмич, какие вопросы! Только сперва подготовь Васькину свадьбу и этот... как его... переход к демократической форме правления. А после – омоложивайся. Ох, и гульнём

мы с тобой, Кузьмич!

Тут послышался капризный голосок няньки Алёны.

– Вань, ты собираешься меня догонять али как?

– Догоню, догоню, – проворчал царь, – Куда ты денешься?

И он умчался, придерживая штаны.

Сияющий Арнольд поцеловал Еву руку.

– Хоть он у нас и плакса, – кивнул он на Василия, – хоть он писался в постель...

– ...и ни бельмеса не смыслит в кулинарии, – подхватил Бертольд, облобызав Евины щёки, – но терпеть его можно. Однако ты, Арик, – обратился он к старшему брату, – должен молиться только на меня.

– По какой-токой причине?

– Когда игроки твоего казино проголодаются, они косяком попрут в мой ресторан. Врубаешься?

Арнольд с усмешкой кивнул.

– Справедливо и обратное. Когда твои клиенты наедятся, они рванут ко мне играть. Въезжаешь?

– Само собой. – Бертольд взял Арнольда под руку. – В связи с этим нам следует кое-что обсудить.

Оживлённо беседуя, братья покинули тронный зал.

Аркадий Кузьмич посмотрел им вслед и, почесав плешь, вздохнул. – К демократическим формам правления... Пёс его знает, что сие такое!

Василий взял Еву за руку.

– Погуляем по парку? – предложил он.

– Как скажешь, фехтовальщик, – улыбнулась девушка.

И они пошли в дворцовый парк.

Было тихо, безветренно, и луна серебрила аллеи. Держа

Еву за руку, Василий сказал:

– Знаешь что?

Ева заглянула ему в глаза.

– Что?

– Давай создадим лабораторию...

– Давай.

– Но ты не дослушала. Лабораторию по изучению состава этой китайской воды. Может, она как-то на генетику влияет...

– Согласна. Обалденный проект.

– Ева, я серьёзно.

– Вася, почему ты решил, что я шучу?

– Ну... может, тебе охота и дальше моды показывать?

Только скажи – я организую.

– Нет уж, напоказывалась. Хочу лабораторию. – Ева обняла Василия за шею и поцеловала.

Тут послышался странный шорох. Василий взялся за рукоять меча. Однако за кустом боярышника блеснули в лунном свете алебарда и каска стражника. Царевич взгляделся в сумрак.

– Семён, ты? – негромко позвал он.

– Я, Ваша Светлость, – отозвался старый солдат.

– Подойти. Что ты здесь делаешь?

– Вас охраняю. – Стражник приблизился. – Тут дело такое... – Он покосился на Еву. – В общем, это самое... вы понимаете.

– Не понимаю. Объясни.

– Волчица эта... помните? Когда Ваша Светлость уехали, она вроде как исчезла. А теперь... – Стражник вновь покосился на Еву. – Боюсь, как бы она невесту вашу не напугала. Вот и караюлю.

Ева прижалась к Василию.

– Ох, боюсь я эту волчицу.

Царевич кивнул с серьёзным видом.

– Спасибо, Семён. Я на тебя надеюсь.

Отсалютовав алебардой, стражник нырнул обратно за куст боярышника. Он видел, как молодой царевич и его красавица-невеста сели на скамейку и поцеловались, потом ещё раз и ещё... Старый солдат не подглядывал, он лишь охранял. Ибо не мог допустить, чтобы на таких славных ребят напали злые волки.

Мудрейший из мудрых

Не важно, где, не известно, когда (главное, не год назад и не десять), жил-был рыбак Антонио. Дом его стоял на берегу моря. (Где ж ещё должен жить рыбак? Не в горах же). Антонио рано лишился родителей (то ли несчастный случай, то ли заказное убийство), однако вполне сумел сам себя прокормить и вырастить. И вырос он, надо сказать, сильным и стройным, как кипарис, и был весёлым славным парнем. (В противном случае – какого чёрта вообще о нём рассказывать?).

И была у Антонио невеста – Лючия, дочь графского садовника. Волосы у Лючии вились чёрными кудрями, а глаза блестели, как разогретый шоколад, и... всё остальное, разумеется, тоже было на месте. Иначе Антонио давно потерял бы с ней всякое терпение. Дело в том, что рыбак торопил невесту со свадьбой, поскольку ощущал в себе желание и силы содержать семью. А Лючия под разными предложениями всё откладывала и крутила парню... Словом, голову морочила. Антонио – о мама мия! – буквально был готов на стенку лезть.

Вот и этим солнечным днём разговор шёл о том же. Антонио и Лючия стояли среди зелёных холмов и сверкали друг на друга глазами.

– Клянусь Мадонной, – горячился рыбак, – ты за осла ме-

ня держишь!

– Зачем держать?! – отвечала невеста. – Осёл и есть!

– Тогда ты – каракатица!

– Что же ты, сын мула, так спешишь жениться на каракатице?! В какое место тебя овод укусил?!

– Овод – пустяки! Если б укусила ты, Лючия, клянусь Мадонной, я бы к вечеру окочурился!

– К чему тянуть?! Может, попробуем?!

– Кусай коровью лепешку! Я в сторонке полюбуюсь!

– В сравнении с тобой, Тони, коровья лепёшка – лакомство! И заруби себе на носу... – Тут Лючия осеклась и посмотрела на то, что было у Антонио за спиной.

Рыбак обернулся. С холма, по тропинке, спускались граф Валентино дель Марони и жена его София. Они совершали пешую прогулку. Ну естественно, чего бы не прогуливаться, если делать больше нечего? Слава Богу, Лючия хоть придержала свой язычок.

– Здравствуйте, дон Валентино, – сказал рыбак. – Добрый день донна София.

– Какая чудная погодка! – расплылась в улыбку Лючия. – И ветерок такой приятный!

Красавица графиня сухо ей кивнула.

– Да, мы заметили. – Затем перевела взгляд на рыбака. – Привет, Тони. Хорошо выглядишь.

Антонио смущённо вытер руки о штаны.

– Благодарю, донна София.

Граф меж тем обмахивался шляпой.

– Жарковато всё же. Неплохо бы в тенёк. – Он тронул жену за локоть. – Пойдём, дорогая.

И господа продолжили прогулку.

Когда они удалились на некоторое расстояние, Антонио предложил:

– Давай сыграем свадьбу в среду. Сколько можно тянуть?

– Какое на ней платье! – Лючия смотрела вслед графине. – Чистый шёлк и жемчужины вместо пуговиц!

Рыбак озадаченно почесал ухо.

– Платье как платье. – Он попытался обнять невесту. – Ты, солнышко, и без платья...

Лючия в досаде его оттолкнула.

– Ты никогда не повзрослеешь! Тебе не жениться надо, Тони, а соску сосать!

– Так уж и соску? – Антонио вновь протянул к ней руки.

Лючия вновь его оттолкнула. Однако уже со злостью.

– Убери грабли, чурбан сучковатый!

Антонио вытаращил на неё глаза.

– Я чурбан?.. Святая Богородица, вы-то кто, синьорина?! Может, вы дочь иранского шаха?! Или вас Папа Римский делал?!

Лючия обдала его ледяным взглядом.

– Может, я и не принцесса, но рыбной требухой не воняю!

– А я воняю?! – Антонио задрал край своей рубахи и поднес к носу невесты. – На, понюхай! Ну что, воняет?! Хоть

у людей спроси!

– Пошёл ты к чёрту! Чтоб тебе до смерти себя нюхать! – закричала Лючия. – Женись на толстой грязной свинье!

– С удовольствием, – парировал Антони. – У свиньи, думаю, нрав получше.

– Славная выйдет парочка! – рассмеялась Лючия.

– Ещё бы. Кнусь Святой Троицей, свинное хрюканье, солнышко, приятней твоего крика.

Лючия вlepила жениху пощёчину, и они стремительно разошлись в разные стороны.

Куда направилась Лючия, не так интересно. Когда женщина кипит, ей следует выпустить пар – притом, желательно, без свидетелей. А вот Антонию, схлопотав по роже, прямоком двинул в таверну под названием «Пьяная акула». В каком он был настроении, легко догадаться.

В «Пьяной акуле» царили порядок и чистота. Потому, наверное, что народу было не густо. Лишь двое за столиком, цедя прохладное вино, горячо спорили о том, как лучше готовить треску. Рыбак Джованни, хлебнув из глиняной кружки, утверждал:

– В оливковом масле, клянусь Малонной! Обсыпать мукой – и на сковороду!

– Чушь, – отмахивался хозяин таверны. – Только в сметане. Потом обваливать в сухарях – и в духовку.

Джованни, коренастый крепыш, начинал сердиться.

– А корочка в духовке получится?! Треска без хрустящей

корочки – дерьмо!

Хозяин таверны Лео, по кличке Пират, широкоплечий великан, хранил невозмутимость.

– Дерьмо – так не жри. – Он поправил чёрную повязку на месте правого глаза. – Я готовлю в сметане и баста.

Тут оба они обернулись на хлопок двери и уставились на вошедшего Антонио.

– О мама мия! – воскликнул Джованни. – Кто тебя так приласкал?

Антонио потёр пылающую щёку.

– Солнцем напекло. Пират, налей кружечку.

Хозяин Лео молча прошагал к бочке за стойкой и, открыв кран, стал цедить в кувшин красное вино. Меж тем Джованни не сводил насмешливого взгляда со щеки Антонио.

– Солнцем, говоришь? А не зовут ли это солнце Лючией?

– Хоть бы и так! Тебе что за дело?! – с полоборота завёлся Антонио.

Джованни состроил постную мину.

– Вспомни Святое писание, Тони. Там сказано: если солнышко ударило по одной щеке, надо подставить...

Не долго думая, Антонио заехал ему по уху. Джованни в долгу не остался и угостил приятеля ударом в живот. После подобного обмена любезностями, парни принялись тукать друг друга по бокам, натываясь на столы и стулья.

Лео Пират, наполнив кувшин, аккуратно поставил его на стойку. Затем поймал драчунов за шиворот и слегка при-

поднял. Высокий ростом Антонио головой едва доходил Пирату до плеч и, стоя теперь на цыпочках, тщетно пытался вырваться из железной руки. А низкорослый Джованни вообще висел в воздухе, суча ногами.

– Пусти, недоносок! – хрипел он сердито. – Пусти, не то пожалеешь!

Антонио, брыкаясь, поддержал друга.

– Отвали, Пират! Или, клянусь Мадонной, мы всё тут разнесём!

Хозяин внезапно разжал пальцы, и парни повалились на пол.

– Давайте, разносите. Пират поправил на глазу повязку. – А я попробую вам помешать.

Приятель встал с пола и деловито отряхнулся. Антонио подошёл к стойке, выпил залпом кружку вина и бросил в неё пару медяков.

– Пока, – буркнул он, направляясь к двери.

– Ты куда? – всполошился Джованни. – Даже не поговорили толком.

Антонио отмахнулся.

– Некогда. Сети проверить надо.

Джованни подошёл и положил руку ему на плечо.

– Плюнь, Тони: она стерва.

Затевать новую драку Антонио не стал. Он лишь хлопнул за собой дверь и направился к морю.

Море, словно огромный зверь, лениво жмурилось

на солнце. Сбежав на песчаный берег, Антонио разглядел невдалеке сваи, к которым были привязаны его сети. Рыбак сбросил башмаки и вдоль кромки воды поплёлся выполнять свою работу. Почему поплёлся, а не помчался? Мама мия! Да кто б на его месте думал об улове, получив пощёчину от невесты, подравшись с другом и не видя в будущем светлых перспектив?! Антонио, однако, брёл к своим сетям из чувства долга. И многие, чёрт побери, могли бы взять с него пример.

Шлёпая по воде босыми пятками, Антонио увидел сидящего на камне краба, который пялился на него своими глазёнкам на стебельках.

– Привет! – сказал Антонио, проходя мимо. – Смотри не перегрейся.

И вдруг услышал за спиной рокочущий голос:

– Эй, Тони! Женись на Песчаной Деве.

Вздвогнув, рыбак оглянулся. Кроме краба, на берегу не было ни души. Несколько мгновений Антонио и краб изучали друг друга в упор.

– Ты, что ли? – растерянно произнёс рыбак.

Краб шевельнул клешнями.

– Как тебе сказать... – отозвался он рокочущим басом. – В некотором смысле, безусловно, я – это я. Если, конечно, ты хотел выяснить именно это.

Антонио поскрёб затылок.

– Кто, чёрт возьми, ты такой?

– Вот ты о чём! – обрадовался краб. – Как бы точнее выразиться... Я, опять же в некотором смысле, реальность, данная тебе в ощущениях. Разумеется, если ты понимаешь, что я имею в виду.

Рыбак мотнул головой, пытаясь прогнать наваждение.

– Ни шиша не понимаю, клянусь Мадонной.

– Не суть важно, – махнул клешней краб. – Главное, женись на Песчаной Деве.

– Ага, щас. – Антонио развернулся и побрёл прежним курсом. – Зови гостей и музыкантов.

– Мы ещё это обсудим! – крикнул вдогонку краб.

Антонио не ответил. А что, собственно, он мог ответить говорящему крабу, находясь в таком поганом настроении? Самым разумным было забытья в работе. А если размышлять о крабах-болтунах как о реальности, данной нам... Мама мия! Это ж свихнуться можно!

Дойдя до места, Антонио скинул одежду и голышом полез вытаскивать сети. Вода была прозрачной, и рыбы мальки сигали прямо из-под ног. Окунувшись, Антонио принялся за дело.

Первая сеть была пуста. Антонио, ничуть не огорчась, опять привязал её к сваям.

Вторая сеть оказалась полна водорослей и медуз. Антонио принялся её чистить, и во время этого занятия медуза ужалла его в деликатное место. Кляня всех морских обитателей, их бабушек и дальнюю родню, Антонио и эту сеть нала-

дил для нового улова.

А в третью сеть попалась одна лишь рыбка. Зато какая. Мама мия, чешуя рыбки сверкала, как чистое золото! Держа рыбку в руках, Антонио прямо залюбовался, и все личные проблемы отступили на задний план. А рыбка меж тем раскрыла круглый рот и произнесла:

– Марина.

Антонио оторопел. Ну и денёк.

– Чего? – только и смог вымолвить рыбак.

Глядя на него жемчужными глазками, рыбка затараторила:

– Марина – моё имя! Прекрати на меня пялиться, Антонио! Что за манеры, мама мия! Можешь хотя бы поздороваться и спросить, как я себя чувствую!

Антонио проглотил в горле комок.

– Как ты себя чувствуешь? – механически пробормотал он.

А кто бы на его месте придумал что-то получше? Рыбка во всяком случае осталась довольна.

– Спасибо, неплохо, – ответила она. – Давление, правда, подскочило, но я держусь. Послушай, Тони, пожалуйста, не поджаривай меня на сковороде...

– Даже не собираюсь, – заверил рыбак.

– ...и не запекай в тесте, – жалобно продолжила рыбка. – Не ешь меня и не мучай...

– За кого ты меня принимаешь? – обиделся Антонио. –

Какого чёрта я буду тебя мучать? Клянусь Мадонной, я сейчас же тебя отпущу.

Рыбка сердито сверкнула глазками.

– Мама мия, дай мне договорить! – воскликнула она. – Не мучай меня, отпусти в синее море, и я выполню любое твоё желание! Антонио, пожалуйста, сжался надо мной!

Антонио разозлился.

– Ей богу, ты чокнутая! – Он разжал пальцы. – Больше не попадайся, вот моё желание!

Блеснув золотой чешуёй, рыбка ушла под воду. Однако тут же высунула головку. И жемчужные её глазки с любопытством разглядывали голого рыбака.

– Должна признать, Тони, – сказала она с уважением, – снасть у тебя ого-го!

Антонио поспешно прикрыл руками свою висюльку.

– Эй, как тебя там...

– Марина, – подсказала рыбка.

– Слушай, Марина: плывешь себе и плыви! Нечего глазеть на мужиков!

Рыбка хихикнула.

– Знаешь, Тони, таких олухов я ещё не встречала. Но в случае чего приходи на это место, позови меня по имени, и мы решим любые твои проблемы. О'кей?

– Ага, – буркнул Антонио, – гуляй.

Золотая рыбка нырнула и уплыла.

Рыбак приладил к сваям сеть, вылез на берег и оделся.

Затем пошел, почти побежал, обратно вдоль кромки воды. Сидящий на камне краб попытался было с ним заговорить, но Антонио лишь ускорил шаг. Если кто-то полагает, что это не очень-то вежливо, пусть сам попробует на голодный желудок выслушивать бредни словоохотливых крабов, рыбок и мало ли ещё кого. Пресвятая Дева, что с ними случилось? Столько лет молчали, молчали – и вдруг прямо как прорвало!

Дойдя до сброшенных на песок башмаков, Антонио обулся и пошел домой перекусить. Благо рыбы в кладовой было вдоволь: солёной, копчёной, вяленой – какой угодно. Хлеб и овощи также имелись в достатке. Дом у Тони был небольшой, но крепко сколоченный и уютный. А насчёт чистоты... не то чтоб, к примеру, пыль ковром лежала или мусор валялся... Мама мия! Что можно требовать от холостого парня, который столько времени тратит на ссоры с невестой, на драки с другом и на болтовню с теми, кому и говорить-то от природы не положено? Тони соблюдает чистоту, как умеет. Если кому-то не нравится, пусть зайдёт и покажет на практике, что он понимает под словом «уборка». Брюзжать, ей-богу, всякий умеет.

Наскоро поев, Антонио набрался решимости и отправился к дому Лючии. День шёл на убыль. Солнце, как золотая рыбка, норовило нырнуть в море.

Лючия сидела на крыльце с вышиванием в руках. Антонио присел рядом. Девушка молча отвернулась.

– Синьор Пепино дома? – громогласно поинтересовался Антонио.

Лючия насмешливо скосила на него глаза.

– Не ори. Отец в графском замке. С ночёвкой.

– Какая жалость! – просиял Антонио, обнимая невесту.

Лючия стряхнула его руки.

– Ты поносил меня последними словами.

– Ты тоже была хороша.

– Я этого не заслужила.

– Мне пощёчины тоже не по вкусу.

– Полезешь обниматься, ещё получишь.

Они помолчали. Затем Антонио не выдержал:

– Лючия, ну извини!

Девушка хмурила брови.

– Тони, ты невыносим.

Уловив потепление, Антонио вновь её обнял.

– Представляешь, солнышко, я встретил говорящего краба. А в сеть мне попалась золотая рыбка. И тоже говорящая.

Представляешь?

Рук его Лючия не стряхнула, но и хмуриться не перестала.

– Да ну? Что же они тебе сказали?

– Какую-то чушь несли.

– Оба разом?

– Нет, каждый в отдельности. Не веришь?

– Ты сам-то себе веришь?

– Клянусь Мадонной! – обиделся Антонио и поведал

о своём приключении, благоразумно опустив некоторые детали.

Лючия снисходительно улыбнулась.

– Ах, Тони! И с такими фантазиями ты собираешься жениться!

Антонио с надеждой заглянул ей в глаза.

– Может, в воскресенье?

Лючия покачала головой.

– Нет, Тони. Я не стану жить с таким трепачом.

Антонио вскочил на ноги.

– Я трепач?!

– Трепач и враль.

– Это я-то?!

– Ты-то.

– Вот что я скажу тебе, солнышко! За твой норов любой на моём месте давно бы...

– погоди, Тони, – с неожиданной кротостью перебила Лючия. – Не будем ссориться. Если ты не врешь... Давай проверим твои слова.

Мигом остыв, Антонио сел и вновь обнял невесту.

– Давай, но как?

– Рыбка обещала выполнить любое твоё желание, так?

– Мама мия! Мало ли, что она обещала! Слушать эту болтушку...

– Не будь ослом, Тони! – прикрикнула Лючия. – Если она говорит человеческим голосом, значит, эта рыбка не простая!

– Это уж точно. По-моему, она очень себе на уме...

– Тони! Не зли меня!

– Ладно, солнышко. Что ты предлагаешь?

– Попроси у нее для меня платье роскошней, чем на графине.

– Хм. А если она откажется?

– Не откажется. – Лючия чмокнула жениха в щёку. – Если, конечно, ты про неё не наврал.

– Хорошо, я попробую. Завтра. – Антонио вознамерился вернуть ей поцелуй.

Но Лючия прикрыла его губы ладонью.

– Нет, прямо мейчас. Утром я хочу прогуляться в новом платье.

– Но, солнышко, куда я сейчас попрусь...

– Тони, либо ты трепач, либо я утру графине нос! Ступай, пока ещё светло!

Антонио встал и сошёл с крыльца.

– Клянусь Святой Троицей, ты умеешь заставить, – вздохнул он, направляясь к морю.

Кто другой на его месте, возможно, упёрся бы рогом и не позволил так собой командовать. Ну и на здоровье. Этот упрямец, во-первых, опять поссорился бы с невестой. А, во-вторых, он так бы и не выяснил, на что способна золотая рыбка. Антонио был не из таких. Надо признать, его и самого снедало любопытство.

Когда он пришёл к месту, где раскинуты были его сети,

от солнца виднелся лишь краешек. Антонио прокашлялся и позвал:

– Эй! – Потом ещё прокашлялся и позвал погромче: – Эй, золотая рыбка! – Никакого ответа. Тогда он крикнул во весь голос: – Марина!

Рыбка вынырнула у самого берега.

– Не ори, не глухая, – проворчала она, высовываясь из воды. Чешуя рыбки горела, как маленькое солнышко. – В чём дело, Антонио? Что тебя заботит?

Вновь прочистив горло, рыбак спросил:

– Как ты себя чувствуешь?

Рыбка вздохнула.

– В общем-то, терпимо. Только хвост слегка влево загребают. Вероятно, отложение солей. Пора переходить на растительную диету. Мама мия, терпеть не могу эти водоросли! Но что делать: раз надо, значит... Хватит болтать, Антонио. Давай к делу.

Антонио улыбнулся.

– Марина, ты меня подставила. Из-за тебя у меня проблемы с невестой.

Рыбка вытаращила на него глазки-жемчужины.

– Из-за меня? Прости, Антонио, что-то я...

– Это ты, прости. Но моя девушка не верит, что ты можешь выполнить любое желание. Она считает меня вралем.

Рыбка отмахнулась плавником.

– Чепуха. Лючия весьма благоразумна и должна поверить

очевидности.

– Ты знаешь Лючию? – удивился рыбак.

– Что за вопрос, Антонио? Разумеется, я знаю Лючию как девушку достойную во всех отношениях. И клянусь Мадонной, мы заставим её признать...

– Марина, я тоже тебе не верю.

От обиды рыбка несколько раз открыла и закрыла рот.

– Позволь спросить, почему?

– Потому что ты попалась в сеть. Была бы ты такая волшебница, сумела бы выбраться самостоятельно.

Рыбка рассмеялась.

– Ой, Тони! Вот прищучил... не ко сну будет сказано! Во-первых, никуда я не попала, Антонио. В твою сеть я сама залезла. Ты не представляешь, – она указала плавником в морскую даль, – какая у нас скукотища. А во-вторых... Может, хватит ля-ля? Говори, чего надо.

Антонио опустил взгляд.

– Лючия хочет платье роскошней, чем у графини. Глупо, конечно...

– Почему же глупо, Антонио?

– Мама мия! Ты же не знаешь ни размера, ни...

– Ерунда! – Рыбка чуть задумалась. – В одном я не уверена: грудь открывать или нет?

– Что-о? – воззрился на неё рыбак.

– Антонио, откуда ты свалился?! Я спрашиваю: платье Лючии должно быть с открытой грудью или закрытой?

Рыбак почесал затылок.

– Ну-у.. в общем... решай сама.

Рыбка вздохнула.

– Вот мужчины! Иди, Антонио, ни о чём не тревожься. –

С этими словами она махнула хвостом и устремилась в морские глубины.

Антонио с надеждой смотрел её вслед. На душе у него сделалось легко и беззаботно. Рыбак неторопливо побрёл вдоль кромки воды.

Знакомый рокочущий басок вывел его из мечтательности.

– Зря ты связался с Мариной, – произнёс тот же краб, сидящий на том же камне.

– Тебя не спросил, – огрызнулся Антонио, проходя мимо.

Краб крикнул вдогонку:

– Женись на Песчаной Деве!

– Отстань! – буркнул Антонио. Затем вдруг развернулся и подошёл. – Кто такая эта Песчаная Дева?

Краб довольно хохотнул.

– Вот! Вот! Вот! – проговорил он, отбивая такт клешнёй. –

Первый шаг сделан: ты спросил!

Антонио присел перед ним на корточках.

– Ну так кто же она, приятель?

Краб смотрел на него глазками на стебельках.

– Сам вылепишь её из песка.

– О мама мия! – Антонио покрутил пальцем у виска. – Так и знал: ты, приятель, просто с приветом!

– Никакой я тебе не приятель, – с достоинством осадил его краб. – У меня есть имя.

Антонио едва не вспылал, однако сдержался. Не хватало ещё сердиться на краба.

– Так как же мне к тебе обращаться? – усмехнулся он. – Может, синьор Хватайло? Или Крабино дель Грязино?

Краб протестующе вскинул клешню.

– Называй меня просто Мудрейший из мудрых. Если, конечно, выговоришь.

Антонио кивнул с серьёзным видом.

– Постараюсь. И что же дальше, Мудрейший из мудрых?

– Лепи давай Песчаную Деву.

– Прямо сейчас, что ли?

– Ага. Чего тянуть-то?

– Прости, Мудрейший из мудрых, но я не знаю, как она выглядит. И вообще... лепить не умею.

Краб выразительно развёл клешнями.

– Увы, Тони, что вылепишь – то и получишь.

Рыбак резко распрямылся.

– Всё, Мудрейший, я перегрелся. Отстань, а то камнем пришибу. – Он зашагал прочь.

– Зря грозишь парень! – крикнул ему в спину краб. – Ни хрена ты мне не сделаешь!

Антонио обернулся.

– Ты уверен?

– На все сто. За свою жизнь ты не пришиб ни одного кра-

ба, не раздавил нарочно даже паучка.

Рыбак озадаченно почесал затылок.

– Клянусь Малонной, не обращал внимания. – Он вернулся к крабу. – Слушай, Мудрейший... я правда не умею лепить ни из песка, ни вообще.

Краб взмахнул клешнёй, точно генерал, зовущий к атаке.

– Начинай. Помогу советом.

Антонио стал сгребать песок в кучу.

– О мама мия! Похоже, я такой же сдвинутый, как ты!

– Не здесь, – скомандовал краб. – Подальше от воды. Чтоб приливом не смыло.

Антонио послушно переменял место, и краб переполз вслед за ним. Рыбак встал на колени, нагрёб из песка холмик и принялся его разравнивать, стараясь придать форму лежащей женщины. Песок держался плохо и осыпался под руками. Сгущались сумерки.

– Видишь, не выходит! – в досаде воскликнул Антонио.

– Полей песок водой, – посоветовал краб.

– В чём носить? – Антонио похлопал себя по штанам. –

В карманах, что ли?

– Таскай воду горстями.

– Что-о?.. Знаешь, Мудрейший из мудрых, ты ещё глупей, чем я думал.

С этими словами рыбак побежал к морю, набрал пригоршню воды и помчался обратно. Вылив на фигуру из песка то, что удалось донести, он вносью побежал за водой. И так но-

сился взад-вперёд, пока не вспотел.

– Достаточно, – произнёс краб.

Бесформенная песчаная фигура была такой же мокрой, как сам Антонио. Рыбак вновь принялся за лепку женщины, и на сей раз дело пошло получше. Причём Антонио так увлёкся, что не заметил, как стемнело. При свете звёзд женщина из песка выглядела толстой и уродливой. Антонио критически воззрился на изделие своих рук.

– Чего-то не хватает, – изрёк он.

Краб авторитетно заявил:

– Сиськи надо побольше.

– Понимал бы! – хохотнул рыбак. Однако воплотил эту подсказку в жизнь.

Краб щёлкнул клешнёй.

– Хватит на сегодня. Завтра продолжим.

– Ага, разбежался! – Антонио стряхнул с себя песок. – Только и дел мне, что в игрушки с тобой играть!

Краб двинулся бочком к морю.

– Что вылепишь, то и получишь, – повторил он, исчезая в воде.

Антонио бросил взгляд на нелепую фигуру с большими грудями.

– Мама мия, что я вытворяю?

Он искупался в море, вернулся домой и безмятежно завалился спать. Может, кто-то на его месте долго бы ворочался, перебирая в уме события дня. Что ж, дело хозяйское: каж-

дый волен использовать ночное время, как ему вздумается, лишь бы никому вреда не было. Антонио, к примеру, сразу уснул, не успев пожелать себе спокойной ночи.

Проснулся он от шума. Утреннее солнце заглядывало в окно, и кто-то барабанил в дверь. Антонио встал с кровати, натянул штаны и открыл.

У порога стояла Лючия. На ней было сногшибательное золотистое платье, и волосы её были уложены в точности, как у графини.

– Ну как? – Лючия повертелась направо-налево. – Нравится?

– Клянусь Мадонной... – только и мог вымолвить Тони. Он послал воздушный поцелуй в сторону моря. – Марина, я твой должник!

Лючия нетерпеливо потянула его за руку.

– Поторопись, а то разминёмся! – И в ответ на удивлённый взгляд рыбака уточнила: – Граф с графиней вот-вот выйдут на прогулку! Пусть полюбуется на меня эта цаца! Пойдём, Тони! Что ты застыл, как истукан?!

– Но, солнышко... может, сперва позавтракаем?

– Я уже завтракала, пойдём! – Лючия дёрнула жениха за руку.

Антонио успел подхватить рубаху и надеть на ходу. Лючия взяла его под руку, чего никогда раньше не делала. Да и не только она – этого не делали ни её покойная мать, ни бабка и вообще ни одна женщина в их рыбацьем посёлке. Ан-

тонио, которому хотелось попросту обнять невесту, попытался высвободить руку, но девушка держала крепко. И рыбак обречённо вздохнул.

Вскоре на тропинке, меж зелёных холмов, показались граф с графиней. Лицо Лючии вытянулось от огорчения. графская чета прогуливалась верхом. Под графом был серый тонконогий иноходец, а графиня в костюме для верховой езды, стройная и очаровательная, восседала на царственной белоснежной кобыле. Когда седоки приблизились, Антонио привычно произнёс:

– Здравствуйте, дон Валентино. День добрый, донна София.

И Лючия вымученно улыбнулась.

– Душновато нынче. Но дождя, похоже, не будет.

Графиня глянула на неё сверху вниз.

– Надеюсь, твой прогноз не подведет. Неплохое, кстати, платьице. – И с улыбкой обратилась к Антонио. – Привет! Как улов?

– Спасибо, донна София. Помаленьку.

Граф вытер платочком лоб.

– Надо бы мне как-нибудь порыбачить с тобой, Тони. Может, на той неделе... И правда малость душновато. Поехали, дорогая.

И они неспешно удалились на своих породистых лошадях. Лючия кусала губы в досаде.

– Дстойная пара, храни их Боже, – подлил масло в огонь

Антонио.

Тут невеста его буквально взбеленилась.

– Чтоб её разорвало! Чтоб её перекосило, эту задаваку! Чтоб она растолстела, как бочка, и захрюкала, как свинья! Чтоб глаза ей жгучим перцем засыпало, а рот залило кипятком! Чтоб она...

– Лючия! – перебил обалдевший рыбак. – Неужели после нашей свадьбы ты будешь вот так браниться?

Девушка окинула его презрительным взглядом.

– После свадьбы?! Купи себе сперва новую пару штанов, голодранец!

Антонио не поверил ушам.

– Ну-ка, повтори, – негромко потребовал он.

Поправив причёску, Лючия сбавила тон.

– Я не хочу жить в нищете, пойми.

– По-моему, – сухо заметил Антонио, – ни о какой нищете речь не идёт. Я всегда сумею заработать.

– Ну да, и разоденешь меня, как графиню?

– Вот оно что...

– Она меня унизила, Тони!

– Сама нарвалась.

– Я нарвалась?! Да у неё язык, как змеиное жало! Она думает, что может позволить со мной... Тони! Я хочу такую же лошадь, как у этой высокомерной мерзавки!

– Только и всего? Лючия, подумай: может, и этого окажется мало?

– Тони, пожалуйста! Попроси у рыбки лошадь!

Антонио вздохнул.

– Ты ведь не умеешь ездить, солнышко. Свалишься, чего доброго.

Лючия обняла его и поцеловала в губы.

– Что тебе стоит, Тони? Просто сходи к рыбке и попроси.

– Ладно. – Рыбак вернул невесте поцелуй. Потом ещё, потом...

Лючия отстранилась.

– Иди, Тони. Мне нужна самая лучшая лошадь.

– Завтра.

– Сегодня. Я буду ждать.

Антонио криво усмехнулся.

– Что с тобой делать? – И отправился к морю.

– Не забудь костюм для верховой езды! – крикнула вдогонку Лючия. – Чтоб фигуру облегал и под цвет лошади!

«Губа не дура», – проворчал Антонио себе под нос и ускори́л шаг. Глядя в землю, он едва не столкнулся с Джованни.

– Куда ты, не разбирая дороги? – намешливо любопытствовал тот.

– Сети проверить, – буркнул Антонио.

Джованни всмотрелся в лицо друга, ища след пощёчины.

– А чего у тебя рожа такая?

– Какая?

– Кислая. С Лючией опять поцапался?

– Да нет... просто не ел с утра. Живот от голода подвело.

– Мама мия! Так пойдём в «Пьяную акулу» и поедим!

В чём загвоздка-то?!

Антонио нерешительно погладил живот.

– Некогда, вроде.

Джованни воздел руки к небесам.

– Клянусь Малонной, ты ополоумел! Куда денутся твои сети?! Пойдём к Пирату! Он приготовит спагетти, нальёт нам винца! Выше нос, Тони! Я угощаю! – Он потащил друга в таверну.

Антонио шёл, не упирался, но всю дорогу молчал. Как ни старался Джованни его разговорить, Антонио отделялся лишь односложными репликами.

В «Пьяной акуле» закусывали трое рыбаков, радушно приветствовавшие вновь вошедших. Послышались привычные шутки. Но, глянув разок-другой на хмурую физиономию Тони, рыбаки оставили приятелей в покое и вскоре убрались восвояси. Хозяин таверны Лео Пират принёс два дымящихся блюда спагетти, две кружки молодого вина, и друзья принялись за еду.

Через короткое время Джованни не выдержал:

– Так и будем молчать?

– Говори, – буркнул Антонио.

– Сам с собою, что ли?

– Почему? Я тебя слышу.

– Вот стерва! – возбудился Джованни, саданул кулаком по столу и от этого возбудился ещё более. – Пошли её к чер-

тям, Тони! Столько девчонок по тебе сохнут, а ты... Посмотри, на кого ты стал похож!

Антонио вздохнул.

– Отстань. По морде схлопочешь.

Джованни вскочил со стула, распрескав вино.

– Ну, давай! Давай, подерёмся! А то, клянусь святыми мощами, ты как покойник!

Перед ними бесшумно возник Пират.

– Без глупостей, – предостерёг он, поправив на глазу повязку. – Хотите пошалить, дуйте за порог. Надоело за вами прибираться.

Антонио отодвинул от себя пустую тарелку.

– Спокойно, Лео. Шалун здесь один. – Он кивнул на Джованни. – Кстати, с него и получи.

Шагая к двери, Тони услышал за спиной:

– Видишь, Пират, что с ним стало!

Антонио направился к морю. И голову его буквально распирало от мыслей, которые он никак не мог привести в порядок. Что это были за мысли? Господи Исуси, кому ж это ведомо?! Но смело можно утверждать, что думал Антонио не о ловле кифали и не о копчении камбалы. Да и какого чёрта лезть парню в душу, когда в душе его и так изрядно штормит?

А море было тихим. На небе сквозь кудрявые облачка проглядывало полуденное солнце. В сотне шагов от воды, растопырив толстые руки-ноги, лежала песчаная фигура,

слепленная Антонио. Днём она выглядела ещё уродливей, чем при свете звёзд. На животе фигуры сидел краб и довольно потирал клешнями.

– Продолжим? – предложил он бодро. – Нужно поработать над лицом.

Антонио скорчил мину.

– Хватит, наработался. Смотреть тошно. – И он прошёл мимо.

Краб сердито крикнул:

– Неужели оставишь её так?!

– Ага, оставлю.

– Ей очень грустно и одиноко!

Антонио будто кольнуло в грудь. Обернувшись, он сказал:

– Мудрейший из мыдрых, ты будешь первым крабом, которого я прибью камнем.

Краб, казалось, ухмылялся.

– Так ты исправишь её лицо?

Антонио кивнул.

– Попозже. Сперва одно дело сделаю.

– Опять к этой Марине подался? – В голосе краба прозвучала досада. – Клянчить финтифлюшки разные?

– А ну, отвали! – мигом вспыхнул рыбак. – От тебя мне ещё выслушивать... – Махнув рукой, он заторопился к своим сетям.

Однако сети его не интересовали. Он не собирался даже проверять, попало ли в них что-нибудь. Антонио стал звать

золотую рыбку по имени. На сей раз она приплыла быстрее, чем вчера, и, высунувшись из воды, осведомила:

– Ну, как, понравилось Лючии платье?

Тони решил не тянуть резину.

– Да, Марина. Теперь ей лошадь понадобилась – лучше графской. И костюм для верховой езды. Ты уж извини: она такая настырная, что...

– Я в ней не ошиблась! – радостно перебила рыбка. – Эта девушка знает, чего хочет! И она этого достойна! Ты не должен извиняться, Антонио, ты должен пылинки с неё сдувать! Клянусь Мадонной, ты счастливчик АНтонио!

Рыбак криво усмехнулся.

– Да ну? Что-то не заметно.

– В том-то и беда: люди просто не замечают своего счастья! – тараторила рыбка. – Вглядишься в лицо невесты, Антонио! Конечно же, оно прекрасно! Но что ты в нём видишь ещё? Какие благородные качества ты способен в нём распознать?

– Ослиное упрямство, – буркнул рыбак.

– Фи, Антонио! Как ты можешь?! – возмутилась рыбка. – Вот мужики!.. Короче, так, у Лючии будет самая лучшая лошадь. Костюм для верховой езды, само собой, прилагается. И от себя лично ещё прибавлю сапожки и шляпку. Ты доволен, Антонио?

С лица рыбки не сходило кривая усмешка.

– Доволен – не то слово.

Рыбка уставилась на него глазками-жемчужинами.

– Зачем так мрачно, Антонио?! Взбодрись, возрадуйся!

И... ты не хочешь искупаться?

– Ни малейшего желания.

– И напрасно! Ты должен искупаться!

– Должен?

– Да. Мне любопытно посмотреть, в порядке ли твоё удилище.

– Мама мия! – Антонио, хоть был в штанах, прикрыл причинное место руками. – Видно, тут все чокнутые – и рыбы, и крабы!

Рыбка хихикнула.

– Ты покраснел, Антонио! Какая прелесть! Ладно, по-мчусь выполнять задание! – Она скрылась под водой, выпустив гроздь пузырей.

Антонио потрянул головой.

– Самый первый дурень – это я, – пробормотал он и пошёл вдоль берега обратно.

Краб подждал его возле фигуры песчаной женщины.

– Как там Марина? – спросил он ехидно. – Жалуется на свои болячки или интересуется твоим членом?

Антонио воззрился на него в изумлении.

– Откуда, чёрт побери, ты...

– Эка новость! – махнул клешней краб. – Мы слишком давно знакомы. И скоро она опять у меня схлопочет.

– Не лезь не в свое дело! – попытался разозлиться Анто-

нио. – Лучше давай вот, – он кивнул на песочную женщину, – ею займёмся!

– Давай, – охотно согласился краб. – Придётся снова её водой смочить.

Антонио не стал препираться, он лишь вздохнул. Господи, за последние сутки он испустил больше вздохов, чем за всю предыдущую жизнь! Прямо напасть какая-то! Антонио помчался к морю, набрал пригоршню воды – и бегом назад. Словом, всё как в прошлый раз. Когда краб сказал «достаточно», рыбак стал выправлять изъяны женской фигуры: там песочку подсыпет, здесь убавит... Опять провозился до темноты.

Песочная женщина вроде изменилась: заметно похудела и обрела вполне реальные очертания. Однако нельзя сказать, что сделалась от этого краше. Звёзды над ней, казалось, толпятся кучей и усмеваются с небес. Антонио устало осмотрел свое изделие.

– Ну как? – спросил он мнение краба.

Краб медленно прополз вокруг фигуры и с воодушевлением произнёс:

– Неуловимое очарование несовершенства.

Антонио нахмурился.

– Мудрейший, говори прямо: хорошо или плохо?

– Поживём – увидим, – уклончиво ответил краб.

Оба помолчали.

– И что теперь? – осведомился рыбак.

– Утром доделаешь.

– Мама мия, что ещё тут доделывать?!

– Оставь маму мию в покое! – рассердился краб. – Покамест у Песчаной Девы нет носа, рта и глаз! Ты ослеп, Тони?! Или хочешь, чтоб лицо твоей жены походило на половинку задницы?!

– Жены?! – обалдело переспросил Антонио.

– Кого же ещё, чёрт возьми?! – возревел краб. – О чём вообще я тебе два дня толкую?!

– Ты чокнутый морской паук!

– Тони, ты это уже говорил! Тебя что, заклинило?!

Оба примолкли, уставясь друг на друга. Рыбак угрожающе поднял ногу.

– Сейчас возьму и разрушу это чучело!

Краб воинственно нацелил на него клешню.

– Валяй, дурень! Разрушь свою судьбу!

Антонио осторожно опустил ногу. Затем сбросил с себя одежду, побежал к морю и плюхнулся в воду. Вдоволь наплававшись, он надел штаны и рубаху на мокрое тело и сказал ожидающему его крабу:

– Утром приду. Но только чтоб увидеть, что из этого получится.

Краб проговорил с комичной серьёзностью:

– Основательная причина.

Рыбак молча подхватил свои башмаки и зашагал прочь.

Дома Антонио, несмотря на голод, рухнул в постель и за-

снул. И приснилось ему, будто он тащит корзину, полную золотых рыбок, и все они хихикают: «Ты счастливчик, Антонио! Большой счастливчик!» Тони хочет корзину бросить, но она приклеилась к рукам, и ноги его с каждым шагом всё глубже проваливаются в песок. Вот он погрузился уже по колено, по пояс, по грудь... А рыбки в корзине захлёбываются смехом: «Счастливчик! Ты этого достоин!...»

Антонио проснулся в холодном поту. В окошко заглядывало солнце. «Чёрт знает что лезет в голову! – пробормотал рыбак, вскакивая с постели. Он умылся, наскоро поел и вышел из дому.

Меж деревьев он разглядел Лючию в белом костюме для верховой езды, в белой шляпке и в белых сапожках. Невеста вела под уздцы великолепную белую лошадь. Однако лошадь слегка упиралась, и Лючия раздражённо дёргала повод.

Бочком, точно краб, Антонио попытался улизнуть. Но не тут-то было.

– Ты куда?! – крикнула невеста. – Ну-ка, помоги! Эта упрямая тварь не слушается!

Рыбак хмыкнул.

– Молодец, лошадка, – пробормотал он.

– Тони, я не слышу! – Лючия поправила съехавшую шляпку. – Иди сюда и подсади меня!

Антонио попятился.

– Некогда, солнышко! Я попозже к тебе забегу!

– Не позже, а немедленно! Тони, вернись!

Но рыбак во все лопатки улепётывал к морю. И вслед ему неслись гневные упрёки невесты.

При виде Антонио краб нетерпеливо щёлкнул клешнёй.

– Долго спишь, – проворчал он вместо приветствия.

Без лишних слов рыбак показал ему два круглых плоских камешка.

– Годится?

– Смотря на что, – сказал краб.

Антонио присел перед песочной куклой и приладил ей камешки вместо глаз.

– Неплохо, – похвалил краб. – Теперь давай остальное.

И Антонио старательно принялся лепить нос, рот, брови и уши. Получалось, в общем, так себе. Зато трудился он с увлечением.

– Всё! – объявил он через некоторое время.

– Торопишься, – возразил краб.

Рыбак застонал.

– Чего тебе ещё?

– По-твоему, она должна быть лысой? – ехидно спросил краб.

Антонио вперил взгляд в своё творение.

– Чёрт, и правда. – Он принялся сооружать на голове Песчаной Девы нечто наподобие причёски. Песок не желал держаться и осыпался, однако Антонио нагрёб его вокруг песчаной головы целую дюну. Очевидно, это должно было означать, что волосы у Девы длинные и густые. – Ну как? – осве-

домился он с тревогой.

– Более-менее, – снисходительно отозвался краб.

Полуденное солнце нещадно палило. Антонио утёр со лба пот.

– Что дальше, Мудрейший из мыдрых.

– Отойди на десять шагов, – велел краб.

Антонио отошёл.

И краб бочком обежал вокруг песчаной фигуры трижды. Затем встал как вкопанный, трижды щёлкнув клешнями. И вдруг поднялся маленький быстрый смерч, который помчался на Песчаную Деву и укрыл её, точно занавес. Через несколько мгновений смерчь рассеялся и опал.

Песчаная Дева сидела. Камешки на её лице, обозначавшие глаза, отвалились, и под ними оказались живые человеческие глаза. «Пресвятая Богородица!» – попытался произнести Антонио, но лишь беззвучно шевельнул губами. Между тем Дева поднялась на ноги, пошатнулась, и с неё посыпался песок. Теперь она походила на обычную голую женщину, которая зачем-то извалялась в грязи. Она стояла, расставив ноги, и бессмысленно пялилась вокруг.

Дрожащей ладонью рыбак вновь смахнул пот со лба. Но жара была здесь уже ни при чём.

Краб щёлкнул клешней.

– Тони, отведи её в море и умой.

Антонио прочистил кашлем горло.

– Не командуй тут...

– Тони! – Голос краба прозвучал вдруг, будто раскат грома. – Не вводи меня во гнев!

Рыбак втянул голову в плечи, но из упрямства не сдвинулся с места. Песчаная Дева указала на него пальцем.

– Ты То-ни, – произнесла она механическим голосом куклы. – То-ни, у-мой ме-ня.

Антонио буркнул:

– Ага, разбежался.

Песчаная Дева повторила:

– У-мой ме-ня. Я гряз-на-я. – Вид у неё, надо сказать, был жалкий.

Антонио вздохнул.

– Клянусь Мадонной... Только сопли тебе вытирать! – Он взял её за руку и потащил к морю.

Дева шла, переставляя ноги, как на ходулях. Антонио завёл её в море по колено и стал смывать с неё песок. Дело оказалось нехитрое. Труднее пришлось с волосами, но в конце концов рыбак и с этим справился. Песчаная Дева сперва стояла неподвижно, однако малость погода принялась помогать Антонио и умываться сама. Купание, судя по всему, ей понравилось.

Песочная фигура превратилась в обычную девушку. И всё у неё было на месте, но только... Мама мия, до чего ж она была неказиста! Глаза опухшие, лицо – как непропечённое тесто, волосы, хоть длинные да густые, но цвета ржавчины. А кожа на теле такая точно деваха эта недавно переболела

оспой. Словом, смотреть на неё было неловко, и Антонио отвёл взгляд.

И, как нарочно, девушка вдруг увидела в воде своё отражение и ткнула в него пальцем.

– У-у... уродина! – произнесла она грубым голосом, но уже не по слогам. – Тони, кто это?

Антонио смущённо промямлил:

– Какая тебе разница?

– Тони, кто это? – Она тыкала пальцем в своё отражение. – Уродина! Уродина!

Антонио рявкнул:

– Купание закончилось! – И потащил её из воды.

Теперь девушка шла свободно, и ноги её сгибались, как у всех нормальных людей. Рыбак в досаде подвёл её к крабу.

– Чтоб ты окочурился, Мудрейший из мудрых!

Краб развёл клешнями.

– Что вылепишь, то и получишь.

– Я не мастер! – крикнул Антонио. – Если б ты не привязался: «Женись на Песчаной Деве! Женись на Песчаной Деве...»

– Кто она – Песчаная Дева? – встряла голая дурнушка.

Антонио бросил на неё негодующий взгляд.

– Мама мия, она спрашивает! А кто, по-твоему, ты?!

Девушка растерянно потёрла лоб.

– Не знаю... всё забыла, – пробормотала она, и голос её звучал уже не столь грубо. – Вроде, я потерялась и куда-то

шла, шла... Помню только, что должна была отыскать тебя, Тони, чтобы ты сказал мне, кто я и как меня зовут. Больше ничего не помню... Ты скажешь мне, Тони?

Пальцем ноги Антонио чертил на песке узоры. А краб смотрел на него своими глазками на стебельках. И в налетевшем ветерке рыбаку послышался тихий щёпот Мудрейшего из мудрых: «Решай, Тони. Хочешь, я превращу её обратно в песок?» – «Давай! – собрался ответить Антонио. – Сам заварил, сам расхлёбывай!» Но, взглянув на несчастную дурнушку, неожиданно для себя брякнул:

– Тебя зовут Бьянка, клянусь Мадонной.

Девушка улыбнулась, отчего показалась не такой уж уродиной.

– Да, – кивнула она, – Бьянка. Я вспомнила... Но кто я, Тони? Я бродяжка, да? Нищенка?

Рыбак метнул испепеляющий взгляд на краба. Краб демонстративно отвернулся.

– Не мели ерунды, Бьянка! – твёрдо проговорил Антонио. – Никакая ты не бродяжка. Ты из приличной рыбацкой семьи. Твои родители погибли, когда тебе исполнилось... Давай пока не будем об этом, ладно?

Бьянка задумчиво кивнула и указала на море.

– А там в воде... там было моё отражение, Тони? Я такое страшилище?

Антонио воздел руки к небесам.

– О мама мия, хватит болтать! Вовсе ты не страшилище!

И вообще... я хочу есть! С утра ничего не ел!

Бьянка вздохнула.

– Я тоже есть хочу.

– Вот и хорошо! – обрадовался Антонио, хватая её за руку. – Пойдём пообедаем!

Девушка слегка уперлась.

– Но, Тони... я же голая.

– Чёрт, упустил из виду! – Рыбак посмотрел на краба. – Мудрейший, хоть в этом можешь помочь?

– Легко. – Краб щёлкнул клешнёй. – Чего не сделаешь для приятеля.

И на Бьянке сей же миг появилось платье. Но какое! Сшитое тяп-ляп из грубого холста, оно пестрело разноцветными заплатами и сидело на девушке, точно мешок с дырами для головы и для рук. Подобное одеяние могло писаную красавицу обратить в дурнушку. Чего уж говорить о бедной Песчаной Деве?

– Морская вонючка! – взревел Антонио. – Ты что, насмеяешься?!

– Не нравится? – деловито уточнил краб.

– Мама мия, кому это понравится?!

– Тогда ступай к своей золотой селёдке, парень: она сошьёт лучше. А у меня, уж извини, не тем мысли заняты.

– Мысли у тебя?!.. Клянусь Мадонной, сейчас я дам тебе такого пинка, что ты перелетишь через море!

Меж тем Бьянка с любопытством оглядывала своё, мягко

сказать, незамысловатое платье, и было похоже, осталась довольна.

– Не бранись, Тони, – попросила она, поворачиваясь так и этак. – Платье хорошее. Пойдём обедать. – И голос её звучал приятно и умиротворённо.

Мигом остыв, рыбак покосился на краба.

– Ладно, Мудрейший... и на том спасибо.

– Давно бы так, – проворчал краб, бочком двигаясь к морю.

Бьянка посмотрела ему вслед.

– А он кто такой?

– Так, один приятель. – Антонио взял девушку за руку. – Пойдём в «Пьяную акулу», угощу тебя пиццей. Если кто привяжется... Чёрт, даже не знаю... Отвечай всем, что ты моя родственница. Очень дальняя. Поняла?

– Да, Тони. – По дороге в таверну, однако, Бьянка уточнила: – Я и вправду твоя родственница?

– Ещё не хватало!

– Тогда зачем лгать?

– Вовсе не лгать, а просто... В нашем посёлке у некоторых такие длинные носы...

– Потому что ты меня стыдишься? Да, Тони?

Выпустив её руку, Антонио остановился.

– Что ты городишь? – Щёки и уши рыбака пылали. – С чего бы мне тебя стыдиться?

Бьянка опустила глаза.

– Потому что я такая уродина. Знаешь, Тони... лучше я с тобой не пойду. Я просто где-нибудь спрячусь, а ты тихонько вынесешь мне еды.

– Ещё чего?! – заорал Антонио. – Ты пойдёшь в таверну, сядешь со мной за стол и, клянусь Мадонной, поешь пиццы! – Он схватил девушку за руку и потащил с такой силой, словно за ними гнался дикий кабан.

Народу в таверне было хоть отбавляй и гомон стоял несусветный. Антонио проворно занял свободный стол, усадив Бьянку с собой рядом. Шум стал стихать, на них устремились любопытные взоры.

– Ба! – раздался возглас здоровяка Рико. – Где он её выкопал?

Лицо Антонио будто окаменело. Бьянка не знала, куда девать глаза. Рико шепнул что-то своим друзьям, и те зашлись хохотом.

Откуда ни возьмись появился Джованни и плюхнулся на свободный стул рядом с Антонио и Бьянкой.

– Кто она, Тони? – Он бесцеремонно разглядывал девушку. – Что-то раньше я её не видел.

Бьянка пролепетала, не поднимая глаз:

– Я родственница, очень дальняя.

Антонио накрыл её руку своей ладонью.

– Это Бьянка, она моя подружка! – произнёс он с вызовом.

Джованни ошарашенно откинулся на спинку стула.

– Твоя подружка?... Мама мия!

Вокруг вновь засмеялись.

Антонио посмотрел на друга в упор.

– Тебя что-то не устраивает, Джованни? – Он обнял Бьянку за плечи. – Выскажись вслух.

– Да нет, Тони, я ничего...

– Спасибо.

– ...но ведь это стерва Лю...

– Заткнись!

Джованни прикусил язык и улыбнулся девушке.

– Привет, Бьянка!

– Привет, – чуть слышно отозвалась та.

Тут к ним подошёл Лео Пират и поставил на стол блюдо с горячей рыбной пиццей.

– Привет, – сказал он. Затем исчез и вернулся с двумя кружками вина. – Сегодня я угощаю.

– И меня? – уточнил Джованни.

– Ты уже угостился, – буркнул Пират, отходя.

Антонио и Бьянка принялись уплетать пиццу. Ни мало ни стесняясь, Джованни последовал их примеру. Но, пока они утоляли голод, здоровяк Рико устроил вокруг настоящий балаган.

– Гляньте, как жрёт, – кивнул он на Бьянку. – Даже свинья за ней не угонится.

– Может, желудей ей подсыпать? – ввернул один из его дружков.

Рико мотнул головой.

– Не-а, ей нельзя. От желудей цвет лица портится.

Раздался оглушительный гогот.

Антонио вскочил со стула.

– Рико! Клянусь Мадонной, я вобью твои зубы в твою глотку!

Джованни вскочил тоже и закричал:

– Ты сам похож на хряка, болван! И голос у тебя, как у кастрата! Как ты с женой управляешься, Рико?! Огурцом себе помогаешь?!

Кто-то хихикнул, но тут же примолк. Бьянка закрыла лицо руками.

Задохнувшись от злобы, Рико грузно встал.

– Идите сюда оба! По стенке размажу.

Дружки его повскакивали с мест.

Антонио и Джованни плечом к плечу ринулись в атаку. Однако на пути их, словно коралловый риф, возник Пират.

– Нет, – отрезал он.

Антонио попытался его обойти.

– Да, чёрт возьми!

– С дороги, Лео! – крикнул Джованни.

Пират обхватил их ручищами за шеи.

– Вы сядете и будете есть пиццу, – процедил он сквозь зубы и, как парни ни трепыхались, без труда шмякнул их на стулья.

Бьянка сидела, не отнимая рук от лица.

Рико расплылся в ухмылке.

– Поворкуй со своей голубкой, Тони! – прогнусавил он.

Пират подошёл к нему, поправляя на глазу повязку.

– Может, меня по стенке размажешь? – спокойно предло-

жил он.

Каким здоровяком ни был Рико, в сравнении с хозяином таверны он выглядел, как дворняга против медведя.

– Причём здесь ты, Лео? – сказал он примирительно.

Пират кивнул на съёжившуюся Бьянку.

– Эта синьорина моя гостья.

Собутыльники Рико, повесив носы, расселись по местам.

Рико остался с Лео один на один.

– И что с этого? – попробовал хорохориться он.

– Объясняю. – Пират положил свою лапищу ему на плечо, и колени Рико подогнулись. – Обидев эту синьорину, ты обидел Антонио, Джованни и меня.

После короткого молчания Рико обронил:

– Изниви.

– Вижу, ты не понял. – Пират сдвинул его плечо пальцами.

Вскривнув, Рико выпалил:

– Извините все. Пусти, Лео!

Пират кивнул и отошёл.

Воцарилась такая тишина, что было слышно, как жужжит в паутине муха.

Кое-как одолев пиццу, Антонио, Бьянка и Джованни вышли из таверны.

– Куда теперь? – Джованни посмотрел на друга. – Может,

сети проверим?

– Потом, – хмуро отмахнулся Антонио. – Сперва домой. Надо вон... Бьянку пристроить.

Солнце клонилось к закату. В красноватых его лучах девушка стояла, не поднимая глаз. Её густые волосы казались ещё более ржавыми, а заплата на платье выглядело на редкость нелепо.

Джованни отвёл взгляд.

– Ладно, до встречи, – пробормотал он. – Пока, Бьянка. Если кто обидит, только свистни. – Он помахал рукой и зашагал восвояси.

Вздыхнув, Антонио поплёлся к дому. Через сотню шагов он обернулся. Бьянка стояла, не шевелясь.

– Долго тебя ждать? – буркнул Антонио.

– Не пойду, – твёрдо заявила девушка.

Антонио опешил.

– Почему?

– Ты не должен обо мне заботиться. Я слишком уродлива, тебя засмеют.

– Чушь собачья.

– Нет, не чушь. Тебе за меня стыдно, Тони. Я вижу.

У рыбака заплыла уши.

– Что ещё ты видишь?! – Он схватил девушку за руку и потащил. – Ничего ты не можешь видеть!

– Нет! Нет! Оставь меня! – упиралась Бьянка.

Но Антонио тянул её, как норовистую козу, грозя при

этом свободным кулаком в сторону моря.

– Ну, Мудрейший из мудрых! Ну, бестия!

Так они добрались до дома. Антонио перевёл дух, но, как выяснилось, преждевременно. Бьянка ни в какую не желала переступить порог.

– Нет, Тони! – Она упиралась в дверной косяк. – Отпусти!

У меня есть предложение!

Антонио выпустил её руку, и они оба замерли у дверей.

– Что ещё за предложение?

Девушка отводила взгляд.

– Давай я буду твоей служанкой и...

– О мама мия!

– ...жить буду в шалаше. Здесь тепло и...

– Я убью её! – возопил Антонио, единым рывком перетаскивая Бьянку через порог. – Ты самая сдвинутая среди всех сумасшедших! И родители твои были чокнутыми! И дети твои будут с прибабахом! И если ты заведёшь кошку, то и у неё мозги будут набекрень!

Бьянка заглянула ему в глаза.

– Тони, это правда?

Антонио запнулся на середине бранного слова.

– Ты про что? – осторожно уточнил он.

В глазах Бьянки блеснули слёзы, и лицо её стало не то что привлекательным... но как-то более-менее.

– Родители мои правда были чокнутыми?

– Какие родители? – растерялся Антонио.

Слёзы потекли по щекам Бьянки.

– Ты говорил, я из приличной рыбацкой семьи.

– Клянусь Мадонной, так и есть. Родители у тебя были что надо. Это я так... – Рыбак стёр со щеки девушки слезинку. – Оглядишься тут, устраивайся. У меня, правда, не убрано... Чёрт! Совсем забыл! – С этими словами он пулей вылетел за дверь.

И помчался Антонио напрямиком к дому Лючии. Если кому-то интересно, с какой целью, на этот вопрос ответить легко. Во-первых, Антонио обещал зайти попозже. Во-вторых, Лючия как-никак его невеста и... Только не надо выпытывать, какова роль Бьянки в подобном раскладе! Пытайте, не пытайте – у рыбака в голове была каша. Лючия, конечно, остаётся Лючией, зато краше её нет. А Бьянка – это, безусловно, Бьянка, однако, увы... И если кому-то невтерпёж прочесть мораль о суетности, пусть вообразит, что на голове у него сидит настырный краб и долбит клешнёй по маковке: «Женись на Песчаной Деве! Женись на Песчаной Деве!» О мама мия! Кому не довелось этого испытать, пусть воздержится от замечаний!

Антонио застал Лючию, что называется в хлопотах: подставив под ноги скамью, она пыталась взобраться на свою белую лошадь. На Лючии был костюм для верховой езды, её шляпка едва держалась на затылке, и лошадь иронично косила на неё карим глазом. Взобраться никак не получалось. И дело не в том, что Лючия была неуклюжей, а в том, что она

просто нуждалась в помощи, которую прождала, ни много – ни мало, целый день.

– Чтоб ты ноги себе сломал, Тони! – напустилась невеста на рыбака. – Где тебя черти носят?!

Антонио подошёл, подтянул подпруги и укрепил на лошади седло, после чего посадил в него Лючию.

– Дела одолели, солнышко, – посетовал он, беря кобылу под уздцы. – Но теперь я могу тебя покатать.

– Чтоб чёрт на тебе катался! – Лючия попыталась лягнуть жениха сапожком. – Сейчас эта мымра донна София меня уже не увидит!

– Клянусь Мадонной, Лючия, она от этого не заболает!

– Оставь свои шуточки, осёл! Она заболела бы, если б встретила меня на этой лошади! А из-за тебя, злыдень, я должна дожидаться завтра, потому что их прогулка давно закончилась! Чтоб ты сгорел! Чтоб тебя...

– Довольно! – гаркнул рыбак. – Закрой рот, не то кобыла взбесится! В последнее время у меня только и забот, что попадаться на глаза графу с графиней!

– Ах, ах! Не успеваешь накопить вонючую свою салаку!

– А чем ты питаешься, солнышко?! Может, цветочной пылью?! – Антонио развернулся и зашагал прочь.

Лючия в испуге ухватила за лошадиную гриву.

– Тони, куда ты?!

– Если я такой осёл, – бросил через плечо рыбак, – пойду на лужок, травку пощиплю.

– Тони, постой! – в голосе невесты послышалась паника. – Не оставляй меня на этой чёртовой кляче!

Антонио вздохнул. Гнев его обычно вспыхивал, как сухой хворост, и столь же быстро угасал. Рыбак вернулся, взял лошадь под уздцы и спросил:

– Ну, куда поедем?

Лючия кое-как выпрямилась в седле.

– К замку дона Валентина.

Антонио усмехнулся.

– Думаешь, тебя заметят из окна?

– Клянусь Святой Троицей, Тони, характер у тебя несносный! Неужели трудно отвезти меня туда, куда я прошу?!

И они отправились к графскому замку. Антонио осторожно вёл лошадь, стараясь обходить ямки и бугорки. И всё же Лючия качалась в седле, как былинка на ветру, беспрестанно ахая и припадая к лошадиной гриве. Тем не менее, худо-бедно, они добрались до цели.

Старинный графский замок, утопая в зелени, возвышался над морем. В лучах заката он выглядел таинственно и величаво. Хоть Лючия видела его не впервые, она испустила невольный вздох.

– Хочешь объехать вокруг? – предложил Антонио.

– Да, – кивнула Лючия. – Нет... погоди!

К воротам замка приближалась карета, запряжённая шестёркой чёрных как смоль коней. Каретой правил наряженный в ливрею кучер. Узорчатые ворота распахнулись уси-

лиями четырёх лакеев. Карета остановилась. Из неё вышел граф и помог выбраться графине.

– Оставшийся путь, полагаю, мы продолеем ножками, – улыбнулся дон Валентино.

Донна София потрепала его по щеке.

– Да, пузанчик. Но не мечтай, что кто-то сочтёт это подвигом.

Тут они оба заметили рыбака и его невесту. Граф приветливо кивнул.

– Какими судьбами?

– Добрый вечер! – отозвался Антонио. – Гуляем вот...

Не возражаете, дон Валентино?

– Ну что ты, Антонио! – Граф указал в сторону кипарисовой аллеи. – Прогуляйтесь там: замечательно красивый вид!

Меж тем кучер щёлкнул кнутом, и пустая карета въехала в ворота замка. Графиня помахала рукой.

– Тони, всё-таки ты должен, – она взяла мужа под руку, – организовать ему рыбалку! И окунуть в море с головой!

Граф хохотнул.

– Ну-ну, дорогая! Всем известно: я плаваю, как дельфин!

– В любое время, дон Валентино! – рассмеялся Антонио. –

Надеюсь, рыба вас не испугается!

– Вот и проверим, – подытожила донна София и обратила взор на сидящую верхом Лючию. – Отличная кобыла. Просто замечательная.

И они с графом под руку направились к воротам замка.

Антонио похлопал лошадь по холке.

– Ну что, поехали дальше?

Лючия, не проронившая до сего момента ни звука, яростно прошипела:

– Скалишь зубы, как недоумок! И строишь глазки, как портовая шлюха!

Антонио опешил.

– Что-о?

– Смотреть на тебя тошно!

– Так не смотри! – разозлился рыбак. – Смотри на себя!

Вот небось удовольствие!

– Едем домой! – Лючия лягнула кобылу по бокам.

Лошади больно не было, ей было обидно. Она взбрыкнула, и Антонио едва её успокоил.

По дороге они молчали, стараясь не смотреть друг на друга. Антонио мрачно жевал травинку, а Лючия одной рукой вцепилась в лошадиную гриву, другой – придерживала сползающую шляпку. И через короткое время гнетущую тишину стали нарушать выразительные девичьи вздохи. По мере приближения к дому садовника Пепино вздохи усиливались. Наконец, Лючия не выдержала.

– Что ты молчишь, как булыжник? – упрекнула она жениха.

– Наговорился, – отрезал Антонио.

– Помоги мне слезть.

– Ещё не доехали.

– Тони, у меня ноги затекли!

Рыбак снял невесту с лошади.

– Попрыгай вприсядку, – посоветовал он, ведя лошадь дальше.

– Тони, подожди! – крикнула Лючия.

– Догоняй, солнышко.

– Ты обиделся?

– Клянусь Мадонной, ты меня достала.

Лючия догнала его и обхватила за шею.

– Я погорячилась, Тони.

Рыбак разжал её руки.

– Так охладись.

– Не будь злоюкой, Тони! – Лючия обняла его и поцеловала в губы. – Я рассердилась не на тебя, а на эту змею – донну Софию.

– Спасибо, утешила. – Антонио отстранился, однако без прежней уверенности.

Лючия прижалась к нему и поцеловала в засос.

– Пожалуйста, не обижайся, – прошептала она, переводя дух.

– Я не обижаюсь, – заверил Антонио, млея.

– Правда? Выполни тогда мою просьбу.

– Что угодно, солнышко.

Прижимаясь к нему, Лючия проворковала:

– Пусть золотая рыбка построит мне дворец, получше графского. И чтоб прислуги было много. Ну и наряды, каре-

ты, лошади и денег полные сундуки.

Рыбака словно бочкой воды окатили.

– Полные-полные? – переспросил он, глядя невесте в глаза.

– А как же, Тони! – Лючия покрыла его лицо поцелуями. – Сам подумай, сколько потребуется денег, чтоб такой домино содержать!

– Да уж, – криво усмехнулся Антонио.

Лючия продолжала его целовать.

– Ты попросишь у рыбки, Тони? Ведь ей это – тьфу!

– Не очень-то мне удобно...

– Тони, что за неудобство? Она ведь, если не захочет, ничего и не сделает, Пошлёт тебя в задницу, только и всего, но я уверена, что она тебе не откажет. Ты у нас такой... такой... О-о, Тони! Пойдём ко мне: я покажу, как много ты для меня значишь!

Рыбак воззрился на невесту.

– Мама мия, ты вправду решилась? Прежде слушать не хотела...

– То было прежде. – Лючия дёрнула его за руку, Антонио потянул за собой лошадь, но та уперлась. – Пойдём, Тони. Что же ты?

– К тебе? – не мог опомниться рыбак.

– Да!.. Нет. – Лючия чуть подумала. – Нельзя ко мне: отец вот-вот вернётся. Пойдём к тебе, Тони. – Она решительно подтолкнула жениха.

Антонио натянул повод, однако лошадь – ни шагу.

– Ко мне? – тупо переспросил незадачливый жених.

– Ты что, оглох?! – сверкнула глазами Лючия. – Пойдём,

пока отец меня не хватился!

Антонио потянул лошадь изо всех сил. Та – ни в какую.

– А если рыбка всё же откажется? – благоразумно уточнил рыбак. – Тогда, значит, ты всё это напрасно?

Лючия опять принялась его целовать, приговаривать:

– Не имеет значения... Не думай о ней... Какого чёрта она откажется?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.